

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ОДИССЕЯ КАПИТАНА САВУШКИНА



ПАРАШЮТЫ
НАД
ВИСЛОЙ

Одиссея капитана Савушкина

Александр Усовский
Парашюты над Вислой

«Автор»

2020

Усовский А. В.

Парашюты над Вислой / А. В. Усовский — «Автор»,
2020 — (Одиссея капитана Савушкина)

Группа советских разведчиков выброшена на западной окраине Варшавы, в Кампиносской пуще, с целью изучения ситуации на правом берегу Вислы; в частности, разведчикам необходимо узнать, будут ли немцы оборонять столицу Польши или решат отойти на старую границу на правом берегу Одера и в Восточной Пруссии. Приземлившись в тылу врага, разведчики узнают, что Армия Крайова готовит восстание в Варшаве, с целью перехвата политической власти. Алексей Савушкин и его люди выясняют ситуацию, докладывают в Центр, присоединяются к отряду Армии Людовой на Жолибоже, затем попадают в Старе място польской столицы. Затем группа Савушкина, выполняя приказ командования, направляется к Магнушевскому плацдарму, выясняет силы немцев, противостоящих Красной Армии и Войску Польскому, после чего, вернувшись в Варшаву – получает приказ срочно отбыть в Словакию.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	33
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Усовский

Парашюты над Вислой

Светлой памяти Войцеха Войтулевича посвящается...

Глава первая

В которой главный герой теряет фуражку, но обретает веру в человечество

– Капитан Савушкин! Хлопцы, где ваш командир? – голос вопрошавшего был нервно-тороплив, что очевидно не предвещало ничего хорошего.

– Там, за ракитником, глянь, туда вроде пошёл. – лениво-расслабленный тон отвечавшего не мог обмануть тренированного уха, в нём явно сквозила настороженность и вполне внятное «Ну вот, называется, отдохнули...»

Алексей приподнял козырёк – в глаза полоснуло яркое июльское солнце, настоятельно требующее продолжать лежать, не двигаясь, надвинув на глаза фуражку, наслаждаясь заслуженным отдыхом, купаясь в ароматах летнего луга и всеми фибрами души впитывая удовольствие от такого редкого в дни войны упоительного ничегонеделанья... М-да, не судьба.

Капитан встал, поправил фуражку, привычным жестом ребром ладони совместив звёздочку с кончиком носа – и тут перед ним вырос запыхавшийся ефрейтор Котлыба, посыльный из штаба управления.

– Товарищ капитан, вызывают!

Савушкин вздохнул. Кто бы мог подумать! Вызывают... Без него войну не выиграть, это уж как пить дать...

– Что там, Котлыба?

– Майор Дементьев получил телефонограмму, собрать командиров групп к четырнадцати-ноль. Сазонов шепнул, что вроде из Москвы начальство прибыло...

Савушкин молча кивнул. Затем, поправив кобуру и портупею, бросил:

– Пошли. – Сазонов, штабной телефонист и, по совместительству, внештатный сапожник управления, немного раздражал капитана своей излишней разговорчивостью, но сейчас она была к месту. Раз начальство из Москвы – значит, сто рейхсмарок против одного румынского лея, что их короткий отдых закончился. Значит, по коням, разведка, марш-марш! Вот только вопрос – куда...

Июль в Белоруссии чертовски хорош! Нет такого удушающего зноя, как в Ташкенте, и не выжигает траву до корней яростное солнце, как на юге Украины – но зато по ночам не надо кутаться в шинель, как в Карелии. Самэ тэ, как говорит старшина группы, сержант Костенко. Если бы ещё не комары... И не война.

Вдвоём с Котлыбой они вышли из рощи на окраине Быхова и скорым шагом двинулись к центру городка – благо, идти было недалеко.

Некогда сонный провинциальный Быхов, освобождённый в конце июня, уже жил размеренной тыловой жизнью – всюду кипела работа, местные бабы, скупно разбавленные армейскими сапёрами и демобилизованными партизанами из нестроевых, бодро ремонтировали школу и здание исполкома, на базарчике, занявшем край центральной площади, вовсю шла торговля всякой домашней снедью, груды огурцов радовали глаз свежей зеленью. Да, жизнь возвращается... Савушкин вспомнил двадцать шестое июня, когда им пришлось так несладко в десяти километрах от этого городка, на бобруйском шоссе. Возвращались домой – и потому расслабились, потеряли чутьё, за что едва не поплатились. Чудом тогда ушли, если бы замешкались хоть на пять минут – их бы махом раздавили отступающие самоходки восемнадцатой

моторизованной дивизии немцев... Фронт уже за Минском, сводки говорят о боях на Пинском и Вильнюсском направлениях. Однако, бодро идут наши, прям как немцы в сорок первом...

В бывшие немецкие казармы у вокзала, недалеко от разрушенного спиртзавода, заселялись штабные, судя по обилию разгружаемых коробок и ящиков, подразделения вновь прибывшей воздушно-десантной дивизии – Савушкин про себя только покачал головой. Сразу видно, что из глубокого тыла приехали ребята – форма новенькая, погоны необмятые лямками вещмешков и ремнями автоматов, оружие – только с заводов, лица у караульных – настороженно-тревожные... Понятно, в их понимании они уже на фронте...

Савушкин с Котлыбой прошли центральную площадь и, повернув налево, добрались до неприметного домика за дощатой оградой – в мирное время бывшего местообитанием районного ветеринарного пункта. В оккупацию немцы тут устроили хранилище продовольственного налога – в комнатах ещё не выветрился стойкий запах лежалого провианта – а сейчас домик был отдан под расположение отдела снабжения штаба армейского управления войск НКВД по охране тыла. Во всяком случае, именно этому подразделению быховская комендатура выписала ордер на расквартирование; о том, что онный «отдел снабжения», на самом деле, никакого отношения к охране нашего тыла не имел – знать комендантским было излишне. Многие знания – многие печали, как говорил Екклезиаст и как любил повторять вслед за ним майор Дементьев, начальник штаба «отдела снабжения».

Пройдя часового у калитки и предъявив дежурному в сенях документы – лейтенант Стахненко в очередной раз сделал вид, что капитан Савушкин ему абсолютно неизвестен – Алексей прошел в комнату начальника управления.

– Товарищ подполковник, капитан Савушкин прибыл! – в комнате, кроме подполковника Баранова, было ещё двое чужих и, судя по начищенным хромовым сапогам, старших офицеров, устроившихся на старом кожаном диване с высокой, почти вертикальной, спинкой – но Алексей здраво решил, что раз погоны незнакомцев укрыты плащ-накидками – докладывать надо своему начальству. И кстати, интересно, где остальные командиры групп – старшие лейтенанты Ершов и Воскобойников и капитан Галимзянов?

Как будто прочитав мысли Савушкина, подполковник Баранов произнёс:

– Остальные офицеры уже получили предписания и убыли к своим группам. Вам, Савушкин, и вашей группе поручение специфическое, тут, – он кивнул на молча сидевших чужаков, – к вам специально человек из Москвы приехал, хочет поговорить. Вы ведь, капитан, до войны языки изучали?

Алексей несколько удивившись, тем не менее, чётко ответил:

– Так точно, факультет романо-германской филологии.

– Романо – это румынской? – Баранов испытующе посмотрел на своего офицера.

Савушкин, усмехнувшись про себя, поправил плавающего в языкознании отца-командира:

– Западнее. Французский, итальянский, испанский языки. Португальский там же. Романские – как наследники Римской империи. Впрочем, и румынский до кучи тоже.

Баранов удовлетворённо кивнул. А затем, заглянув в свои бумаги – спросил:

– А с польским у вас как?

– Базовый уровень. Факультативно... – Савушкин начал понимать, куда клонит подполковник.

Тут один из чужаков, пожилой, седой, дочерна загоревший – внезапно произнёс, блеснув двумя рядами вставных железных зубов:

– Сканд пан пшиехав до Быхува?

Савушкин, помедлив чуть больше, чем следовало – бросил:

– З ниемецкого тылу. Там трохе погулялимы. – а затем, немного извиняющимся тоном, добавил: – Базовый. Чем богаты...

Седой чужак улыбнулся.

– Цалкем выштарчаячы. Вас там зрозумея, и то глупне.

Савушкин насторожился. «Там» – это в Польше? Ого!

Баранов кивнул.

– Да, капитан, вашей группе – особое задание. Сейчас товарищи, – Баранов кивнул на чужаков, – изложат подробности.

Незнакомцы встали, скинули плащ-накидки – к разочарованию Савушкина, на седом вообще не было погон, обычный китель, правда, «полковничьего» кроя и хорошей шерсти, а второй, помоложе, оказался всего лишь капитаном в полевой хлопчатой гимнастёрке, да к тому же лётчиком, судя по голубым просветам и пропеллерам с крылышками на погонах – и подошли к столу. Баранов, разгладив карту, произнёс:

– Савушкин, твоя группа сегодня ночью вылетает на территорию Польши. Капитан Изыльметьев доложит подробности.

Лётчик кивнул, подошёл к столу, глянул на карту, хмыкнул, что-то прикинул про себя – и произнёс с узнаваемым московским розвальцем:

– Ну чё тут излагать, в целом, всё просто: набираем эшелон над нашим расположением, летим по прямой на четырех с половиной тысячах, перед Варшавой поднимаемся до шести – мало ли что, зенитной там у немцев хватает, мосты стерегут – ну а за Вислой кидаем вас в лес, возвращаемся. Линии фронта сейчас по факту нет, по нам возможно, немного постреляет ПВО Варшавы, мостов через Вислу и Легионово – но это если обнаружат. И то не факт. В общем, почти учебный выброс. Как младенцев в люльке доставим... – и улыбнулся, давая понять, что это шутка. А затем, уже серьезнее, добавил: – Тут нам сказали, что парашютная подготовка у вас есть. Но вы прыгали с эр-пятого, а у меня – «дуглас». Здоровый двухмоторный сарай. Мой второй пилот вас подробно проинструктирует, чтобы вы головы об рули высоты не поразби-вали, бо бывали случаи...

Савушкин покачал головой.

– Мой радист до войны с ТБ-3 прыгал, он поболе вашего «дугласа» будет, да и десантироваться с него – не дай Бог... Остальные – да, с эр-пятого и У-2, так что инструктаж лишним не будет. С какого эшелона будем десантироваться?

Лётчик пожал плечами.

– По фактической погоде. Точнее – по нижнему краю облаков. Ночь же. Хоть и июльская. Ориентиров будет минимум, Висла, Варшава – так что придется снижаться до предела безопасности. Может, и с пятисот метров придется сигать...

Савушкин удовлетворённо кивнул.

– Принято. Ребята тёртые, выдюжат. – и, обернувшись к поляку, добавил: – В пуще этой вашей – охотники, лесники, прочий такой люд – густо водится?

Поляк покачал головой.

– Не, тэраз война, мало людей в лесах. Говорят, что немцы зробили полигон, расстреливают людей – але не вем, где...

Лётчик перебил поляка:

– Ладно, товарищи офицеры, я на аэродром, машину готовить. У нас чуть не досмотри – махом техники напортачат, или мотор сменяют на портсигары, или бензин на сало махнут не глядя... – После чего, пожав Савушкину и поляку руки и отдав честь подполковнику Баранову – вышел за дверь. Всё понятно, пилот – парень ушлый, свою часть работы уяснил, а дальше – не его вахта, тут лучше самому уйти, чем дожидаться, пока вежливо попросят вон...

Как только лётчик вышел – подполковник Баранов обернулся к поляку:

– Ваш выход, товарищ Збигнев.

Седой, едва заметно улыбнувшись, поправил:

– Пан. «Товарищ» у нас некак не прижилось... – А затем, бегло глянув на карту, обратился к Алексею:

– Пан капитан, буду мувичь по-российску, але не бардзо досконалэ. Прошам.

Савушкин молча кивнул и шагнул к столу.

Поляк взял в руки карандаш и обвел кружок северо-западнее Варшавы.

– Это Кампиноская пуца. Серакув. На всхуд – болота, на захуд – пяски и сосновый ляс. Можно выходить на дорогу с Торуня и Алленштайна до Варшавы, двадцать километрув на юг – дорога з Лодзи на Варшаву. В Серакуве, Ломянках и Ожаруве ест явки, я дам вам хасло и адресы. – Седой закончил и, помолчав, добавил: – Але, курва, бардзо тяжка бендзе ваша праца, капитан...

Алексей хмыкнул.

– А когда было легко? Мы простых путей не ищем...

Подполковник Баранов строго посмотрел на своего офицера.

– Савушкин, здесь не балаган. И ты не петрушка... Записывай!

Капитан бросил:

– Есть! – и, достав из планшета блокнот и карандаш, приготовился записывать.

Пан Збигнев, вздохнув, промолвил:

– Бардзо дуже не надзейтесь на мою информацию, ей уже пять-десять лет, за тей час всё могло змениться... – Помолчав, продолжил: – Серакув. Пан Тадеуш Заремба, дорожный мастер. Живе на краю мяста, последний дом на варшавской дороге, справа. Вельки сад – ябки, грушки, малина... Дом с красного кирпича. Як убачите тего пана – скажите, что Збышек передаёт привет и помнит про хлеба и сало, что мы делили в окопах под Барановичами... Збышек – это я, с паном Зарембой мы служили разем в Люблинском пехотном полку пятнадцатой пехотной дивизии Западного фронта, взводными унтер-офицерами. Ещё в ту войну... – Вновь замолчал, вздохнул, и продолжил: – Тадек бардзо добже мувичь по-российску, не як я, бо его матка з Рязани... Далей. Ломянки. Пан Яцек Куронь, лесник, живе в Домброве Заходней, у леса, улица Сераковска. Дом под бляхой, он там едны таки, не помылишся. Ему сказать, что в Мадриде не мешают вино с водой... Он поймёт. – Поляк вздохнул, скупно улыбнулся и добавил: – Он был в Испании. Тогда. Добже мувичь по-российску, тши лята жив в Москве, и ещо тши лята – в Миньску Бьялорускем. – Помолчав, продолжил: – Ну и Ожарув. Там пан Януш Стшелецкий, але я не могу сказать, чем он сейчас занят и где живет. В тридцать шестом году я получил от него последнее письмо...

Капитан Савушкин закончил писанину, положил блокнот в планшет и полуутвердительно спросил у командира:

– Товарищ подполковник, уничтожить после взлета?

– Как обычно. – Баранов обернулся к поляку, пожал ему руку и сказал:

– Пан Збигнев, мы вас более не задерживаем, счастливого пути, Москве привет!

Поляк улыбнулся, кивнул и ответил:

– Думаю, скоро вы сможете передать привет Варшаве! – после чего, взяв в руки плащ-накидку, вышел из комнаты.

Подполковник, тщательно прикрыв дверь, обернулся к оставшемуся в одиночестве капитану Савушкину и промолвил:

– Ну а теперь, Лёш, о главном. Задача твоей группы – обосновавшись в Кампиносской пуце, выяснить планы немцев в зависянской Польше. Штабные машины, посыльные, отпуски – годится всё. Идеально – штабные документы. Генеральному штабу важно знать, будут ли немцы обороняться по Висле или планируют уходить к старой границе, к Мезеритскому укрепрайону и к восточнопрусским линиям дотов и фортов. Сейчас главенствует мысль, что немцы из Польши уйдут – как минимум до линии старой границы, до четырнадцатого года. Так же важно знать, насколько в глубинной Польше сильна поддержка лондонского эмигрантского

правительства. Срок – не более недели, максимум – десять дней потом вас начнут активно искать и, – глянув на карту, Баранов поморщился и добавил: – скорее всего, найдут. Так что при первом намёке на появление ягдкоманд – всё бросать и бечь.

Савушкин кивнул.

– Ясно, товарищ подполковник. Куда выходить?

Баранов почесал затылок.

– Наши пока не знают, где они выйдут к Висле, но, судя по успехам Рокоссовского – скорее всего, где-то в районе Люблина, Пулавы, Казимеж Дольны... Так что планируйте выходить на Гуру Кальварию, Козенице. Позже уточним, сообщим точное место по радио. Ты вот что, – подполковник почесал затылок, – ты шибко на эти явки не рассчитывай. Да и на пушу... Это она так просто называется, прочесать её – полка хватит, так что вам там по-хорошему не сходить... Насчет поляков этих – к ним обращаться в самом крайнем случае, когда иного выхода не будет. Скажете, что сбежавшие пленные, или ещё как-то. Но, повторю, это – на крайняк. Далее. У тебя все вернулись?

Капитан кивнул.

– Все.

Баранов вздохнул.

– Галимзянов двоих потерял, одного – «холодным», радиста в госпиталь фронтовой отправил. Ершов и Воскобойников... Ну ты сам знаешь. У них – зелёная молодёжь, по одному выходу в лучшем случае. А у тебя – зубры! Сколько ты с ними за линию ходил?

Савушкин пожал плечами.

– С Костенко – с декабря сорок третьего, этот выход – шестой. С остальными – с февраля, третий. Порядком... С Котёночкиным – второй, но это не страшно, хлопец толковый, потенциал есть.

– Ну вот, сам бачишь... На твою группу вся надежда. Почему, кстати, ты не хочешь ещё парочку бойцов взять? Впятером же тяжело?

Капитан пожал плечами.

– Как раз. Если машину легковую реквизируют – то аккурат впятером туда помещаемся. Под Корсунем – ну вы помните...

Подполковник кивнул.

– Помню. Так, твой зам – лейтенант Котёночкин, он же у тебя переводчик и внештатный летописец, ну и коновал до кучи. Радист, он же шифровальщик – сержант Строганов. Старшина, он же минёр-подрывник и по совместительству повар – сержант Костенко. Снайпер, он же помощник Костенко по минно-взрывной части – ефрейтор Некрасов. Он у тебя из поморов, как я помню? Мой земляк, из Архангельска? – Капитан молча кивнул. Баранов продолжил: – Итого с тобой пять человек. И от вас зависит сейчас очень много... – помолчав, продолжил: – Сейчас дуй к Дементьеву, он тебе доложит последние новости по дислокации противника в районе предполагаемых действий, сориентирует, так сказать, на местности, сообщит сеансы связи и позывные, ну и по хозчасти распорядится. Потом подымай своих, грузитесь амуницией и прочим барахлом – накладные выдаст Дементьев – и в двадцать ноль – полная готовность. Вылетаете в двадцать один. В полночь должны быть на месте. Вопросы есть?

– Никак нет. Задача ясна.

– Повтори – на всякий случай.

– Десантироваться на северо-запад от Варшавы, в Кампиносской пуще, разбить лагерь, и путем захвата языков и штабных документов, опроса местных жителей выяснить планы немцев на ближайшие месяц-полтора. Наблюдением за дорогами определить, куда фриц отходит – на запад или на север.

Баранов кивнул.

– Всё верно. Немцы должны начать эвакуацию Варшавы – вот и проследите, куда потянутся колонны всякой немецкой тыловой нестроевины, и куда – грузовики с амуницией; им одних складов надо вывезти – тысяч десять вагонов всякого добра. Да, и вот ещё... – подполковник в некоторой нерешительности замолчал.

Капитан Савушкин едва заметно улыбнулся.

– Договаривайте уже, Иван Трофимович. Гитлера в плен надо взять?

Баранов покачал головой.

– Хуже. Политическую обстановку в Польше представляешь?

Савушкин пожал плечами.

– Если только очень приблизительно... Есть Армия Крайова, которая управляется лондонскими поляками, есть наши поляки Берлинга. Вот и все мои познания...

– Понятно. – Подполковник помолчал, а затем продолжил: – Позавчера, восьмого июля, под Барановичами войсками Первого Белорусского был разгромлен, в числе прочих, сводный батальон немецкой тайной полиции, наскоро сформированный в Варшаве. Они сейчас, пытаясь закрыть брешь, кидают под наши танки всё, до чего руки дотянутся у Моделя. Тыловики, пожарники, охрана лагерей, пограничники... И до гестапо дело дошло.

Савушкин кивнул.

– Знакомое дело. В ноябре сорок первого под Истрой нашим соседом справа был батальон народного ополчения, а слева – окружная кавалерийская школа. На семь километров фронта – ни одной даже сорокапятки... Если бы шестнадцатая армия не подошла – немцы не только Истру взяли бы, они бы и до Москвы докатились...

Подполковник тяжело вздохнул.

– На ниточке всё тогда держалось... Если бы не сибирские дивизии – не удержали бы Москву. – Замолчал, налил себе воды из графина, выпил – а затем продолжил: – Так вот, там, под Барановичами, были взяты в плен несколько офицеров этого батальона. И один из них контрразведчикам Первого Белорусского весьма любопытные вещи поведал...

– Про Польшу?

– Про Польшу. На, читай! – и, открыв папку, подполковник подвинул Савушкину листок бумаги.

Капитан, бегло пробежав донесение – удивлённо присвистнул.

Баранов кивнул.

– Ото ж. Сам в изумлении. И не похоже, что деза. Этого гауптштурмфюрера никто за язык не тянул и специально не допрашивал, сам вызывался и на допрос напросился. И вот такое доложил...

– Боялся, что расстреляем?

– А чёрт его знает... Может, и боялся. Всё ж СС, им там Гиммлер такие страхи о русском плене рассказывает – хоть святых выноси.

– После того, что они в Белоруссии натворили, им нас надо бояться, как черту ладана...

Подполковник вновь тяжело вздохнул.

– Не поминай... Как вспомню тот коровник в Росице... Их же в феврале сорок третьего сожгли, так полтора года и пролежали... Половина скелетов – детские. Солдат наших после этой Росицы на третий или четвертый день только удалось уговорить немцев в плен брать живыми... – Помолчал с минуту, а затем продолжил: – Так вот, Лёша. Если о подготовке к этому восстанию знает даже мелкий гестаповский чин – то что это значит?

Капитан покачал головой.

– Что ни хрена у них не получится. Людей положат понапрасну и нас не дождутся...

Баранов хмыкнул.

– А нас там, капитан Савушкин, никто и не ждёт! Во всяком случае – эти, из делегатуры жонду, как они себя называют. Мы для них – враги похлеще немцев. И восстание это они

подымают – если, конечно, это правда, а не фантазии напуганного вусмерть эсэсовца – не для того, чтобы мосты через Вислу захватить и нам задачу облегчить, а ровно наоборот – чтобы объявить себя единственными законными властями Польши, и условия нам ставить. Шляхетно указывать мизинчиком большевистскому быдлу его место... Так что исходить тебе надо и из этих обстоятельств тоже. Учитывать политическую ситуацию в Польше, на славянское братство шибко не надейся. Будет то восстание, или нет – неизвестно, но ситуация там сложная. Уяснил?

Савушкин кивнул.

– Так точно, товарищ подполковник! Разрешите идти?

– Чеш. На всё про всё у тебя пять часов, управишься.

* * *

Капитан Савушкин вышел из кабинета командира, подозвал ефрейтора Котлыбу, отправил его за личным составом группы – после чего, вздохнув (разговор предстоял трудный, он знал это из богатого личного опыта), постучался к начальнику штаба.

– О, Савушкин, заходи! – Дементьев был подозрительно радушен – что сразу насторожило капитана. Впрочем, причина такого расположения начштаба тут же стала ясна и до обидного примитивна – Савушкин даже слегка расстроился, вида, впрочем, не подав.

– Так, капитан, пока то да сё – есть у меня к тебе личная просьба. – Майор Дементьев постарался вложить в свои слова максимум дружелюбия.

– Фотоаппарат? – Савушкин примерно понял, что надо начштаба.

Дементьев кивнул.

– Лучше «Лейку».

– Так ведь запрещено?

Майор развёл руками.

– Ну, кому запрещено, а кому и не совсем... Ты, главное, подыщи исправный, а как его оформить – уж я найду.

Капитан вздохнул.

– Товарищ майор, мы вообще-то не в набег на магазины летим...

Майор поморщился.

– За границу отправляетесь, там всего куча, немцы там непуганые, хозяевами себя в Польше считают... Грабь награбленное! Фотоаппарат там у каждого второго офицера, так что труда не составит. «Лейку». Запомнил? И плёнок с бумагой побольше...

– Есть, товарищ майор! «Лейку». Плёнку и бумагу.

Дементьев удовлетворенно кивнул.

– Молодец, Савушкин, правильно понимаешь ситуацию... Я вашей группе, заметь, выбил радиостанцию американскую, «Бендикс», с двумя запасными аккумуляторами и динамо-машинкой. Не надо будет каждые два дня батареи менять! Да и дальность сигнала у неё повыше, чем у нашего «Севера»... Когда всё получите – вели Строганову ко мне подойти, мы с ним и с радистом нашим список рабочих и аварийных частот уточним, время сеансов и позывные. Ну и я ему инструкцию по машинке его дам, хотя он радист опытный, и сам разберется... Ладно, держи накладные! – С этими словами майор Дементьев протянул Алексею несколько листов бумаги.

Капитан бегло посмотрел, хмыкнул и спросил:

– Патроны к ППШ нам зачем?

Дементьев удивлённо спросил:

– А что, написали?

Савушкин кивнул.

– Да, четыре цинка, пять тысяч патронов с мелочью.

Майор почесал затылок.

– Чёрт, я Стахненко это поручил, а он просто с прошлого выхода накладную на боеприпасы перепечатал... Ладно, дай сюда, я вычеркну и поставлю парабеллумовские, к МП-40. Там, правда, цинки поменьше, по восемьсот штук в каждом, но то такое... Вы ж со «шмайзерами» полетите, так?

Капитан молча кивнул.

– По остальному вопросы есть? Сухпай на двенадцать дней, пять комплектов немецкой формы, причем – люфтваффе, чтоб не перепутали! сапоги, плащ-накидки, палатка, сменное бельё... Три пистолета по выбору получателя, два автомата. Винтовка у твоего Некрасова своя, «маузер» взять не хочет? Там, правда, прицел всего полуторакратный, хоть и «Цейс»...

– Не. Говорит, холодно щеке от немецкого приклада. Немцы ведь тоже СВТ массово используют, в сорок первом им этих винтовок досталось на складах – мама не горюй! Так что не спалимся мы с Некрасовым и его ружжом. Тем более – он со своей СВТ не расстаётся третий год. Двадцать шесть фрицев уложил...

– Молодец! – Дементьев открыл ящик стола, достал толстый пакет, и, вздохнув, промолвил:

– От сердца отрываю... Летите вы за границу, вполне вероятно, придется контактировать с местным населением. Деньги там ещё никто не отменял. Получи и распишись. – С этими словами майор достал пухлую пачку серо-коричневатых и зеленовато-серых бумажек и подвинул её к Савушкину.

Капитан удивлённо посмотрел на банкноты.

– А что за деньги-то? Не рейхсмарки? Польша ж вроде как генерал-губернаторство Рейха?

– Злотые. Правда, немецкого Польского эмиссионного банка. Немцы их в Кракове и Варшаве печатают, они там вполне в ходу.

– Фальшивые?

– Обижаешь. Самые что ни на есть подлинные! Начфин в Москве клялся и божился, что настоящие. Пять тысяч злотых, бумажками по пятьдесят и сто злотых. Они в Польше в ходу, так что, ежели что – используйте.

Савушкин взял в руки банкноту в сто злотых, оглядел её со всех сторон. Вроде настоящая...

– А что за мужик с бородой тут нарисован? Иван Сусанин?

Дементьев снисходительно хмыкнул.

– Деревня... Король Иоанн-Альбрехт. А на обратной стороне – город Львов, Лемберг по-немецки. Был во Львове?

– В Перемышле. В ноябре сорокового.

– А я был. Аккурат перед войной... Красивый город! – Дементьев вздохнул, а затем продолжил: – Злотые – это не всё. Мало ли где вы окажетесь... Так что получи ещё трохи грошей. Тысячу рейхсмарок и сто фунтов стерлингов бумажками по пять фунтов. Поляки эту валюту очень уважают... На, распишись. – И подвинул Савушкину ведомость.

Капитан подмахнул документ, взял в руки пачку денег, взвесил – и уложил в свой планшет.

– Чувствую себя миллионером... Ладно, товарищ майор, теперь – о главном. Дислокация сил противника.

Дементьев почесал затылок.

– А вот тут я тебя разочарую до невозможности. За Вислой мы можем только на данные авиаразведки опираться – да и то... Сам понимаешь. Немцы сейчас отходят по всей Белоруссии, котёл под Минском разгромлен, но разрозненные группы окруженцев рыщут повсюду. Хорошо, тут партизан богато, на них НКВД возложило ответственность за поиск и пленение

остаточных групп немцев. Но это здесь, в Белоруссии. А что дальше, за линией Керзона твориться – честно тебе скажу, одни предположения. Из Разведупра сводку я затребовал, но там... В общем, на, почитай. – И с этими словами начштаба протянул Савушкину листок бумаги.

Капитан быстро пробежал его глазами. «Предположительно», «возможно», «вероятнее всего»... Не сводка, а монолог гадалки. Вздыхнув, вернул сводку хозяину, бросив:

– Ладно. Разберемся на месте.

– Но зато документы – в полном ажуре! – преувеличенно бодро, пытаясь скрыть неловкость от пустоты сводки, воскликнул Дементьев.

– Подлинные? Не как в прошлый раз? – спросил Савушкин.

– Что ты! Зольдбухи – песня! Держи! – и с этими словами майор передал Алексею пять серых книжек.

Капитан пролистал документы.

– Однако... Даже фото успели вклеить! Это мы для них перед прошлым выходом в немецких шмотках фотографировались? Мне тогда обер-лейтенантский мундир достался... А кто мы сейчас? Судя по орлу на обложках – люфтваффе? – Развернул один документ, бегло пролистал. Да, люфтваффе. Не зря майор предупреждал, чтобы не перепутали кителя с вермахтовскими, орлы-то разные... Авиаполевая дивизия. Четвертый полевой батальон снабжения войск... Годится. Так, что там внутри? Командировочные предписания... Отметки о выбытии из части... Продовольственные талоны... Гауптман, обер-лейтенант, унтер-фельдфебель, обер-фельдфебель ефрейтор... – Прямо как по заказу! – не удержался Савушкин от похвалы.

– Научились работать! – не без некоторого налёта самодовольства бросил Дементьев. И уже серьезней добавил: – Этот батальон вместе со всей четвертой авиаполевой дивизией полёт под Витебском. Человек сорок уцелело, сложили оружие, и как по заказу – вместе с писарем батальона! Ловкий малый, тут же предъявил при опросе печати и штампы, предложил сотрудничество... Грех было не воспользоваться! Эти документы ты любой местной власти можешь смело показывать, да и немецкие комендатуры в них не усомнятся. На командировочных предписаниях, правда, нет отметок контрольных пунктов по пути следования – ну да это объяснимо, чай, целая группа армий ляснулась. Так что прятаться вам на месте нет нужды – можете, при необходимости, смело легализоваться. Ненадолго, конечно – но, думаю, вы успеете всё проверить, пока немцы будут на ваш счет чесаться.

– А куда командировали наших крестников?

Дементьев улыбнулся.

– В Алленштайн. На базу снабжения группы армии «Центр».

– Постой, постой... Алленштайн – это Восточная Пруссия?

Майор кивнул.

– Она. Так что ежели что – вам даже придумывать ничего не придется, предъявляйте документы смело. Проверять вас будет некому – ваши лже-однополчане либо в плену, либо прикопаны вдоль дороги Витебск-Бешенковичи...

– Годится! – Чуть помолчав, Савушкин спросил: – Товарищ майор, вы прямо нам отец родной. Что так? В прошлый раз, помнится, вы нам лишнюю банку тушёнки жалели, плащ-палатки рваные выдали, рацию на батареях, Строганов вас добрым словом повседни напролёт поминал... А тут – мало что не золотом осыпали. В чем причина такой метаморфозы? Фотоаппарат?

Дементьев вздохнул.

– Аппарат – это так, баловство. Старею, Лёша. Сентиментален стал, отчего-то захотелось, чтобы вы живыми вернулись... Мало нас, тех, что с сорок первого воюет, в нашем управлении осталось. Ты да я, да Баранов, да из рядового и сержантского состава – человек десять... Из сорока трех по штату. У Галимзянова Шумейко убили на прошлой неделе, а он в Слуцке войну встретил... Твой Костенко и Некрасов тоже с первых дней воюют?

– Так точно. Остальные – с сорок третьего. Котёночкин после училища попал в самое пекло у Обояни, но показал себя достойно, переведен был в войсковую разведку, а в декабре – к нам. Строганов... Ну вы в курсе.

Дементьев кивнул.

– Помню. Служил на приёмо-передающем центре узла связи Генштаба, в июне сорок третьего в Горьком, на заводе имени Молотова, под немецкую бомбёжку попала его мать, прямое попадание в цех... Он написал рапорт о переводе в Разведупр, ну а радист он от Бога – решили не муржить... Да, кстати. Тебе тут краткую справку по твоей бывшей дивизии ребята набросали, ну, до чего дотянуться смогли. Изучи, мало ли что... – и с этими словами майор Дементьев, достав из папки очередной документ, протянул его Савушкину.

Капитан спрятал документ в планшет.

– Перед вылетом почитаю. Или уже на месте, не горит. Мои уже должны подойти, разрешите идти?

Майор кивнул.

– Валяй. Старшина Метельский вас ждёт.

* * *

Выйдя из кабинета начштаба, Савушкин наткнулся на своих бойцов – тревожно ожидающих его в коридоре.

Сержант Костенко, по праву самого старого бойца группы, спросил осторожно:

– Товарищ капитан, куда?

Савушкин усмехнулся.

– Сейчас – на склад, будем получать амуницию, снаряжение и сухпайки. Потом – на аэродром, до вылета ещё поспать успеем. Ну а в восемь часов приедет Баранов, проверит готовность, подымет боевой дух командирским словом – и на запад! Всё, отставить разговоры, шагом марш во двор! Костенко, проследи, чтобы не забыли ранцы, сухарные сумки, футляры для противогазов, подсумки к автоматам и Некрасову, плащ-палатки, прочую мелочь... ну да ты в курсе. Мы должны быть схожи с немцами в любой мелочи!

Костенко кивнул.

– Все будет в лучшем виде! Будэмо липш за нимцев!

Около часа у группы ушло на выбор и подгонку обмундирования и снаряжения, упаковку оружия и боеприпасов, продуктов и рации в грузовые мешки, и ещё час – укладка парашютов. Успели бы и за полчаса, но инструктировала разведчиков сержант Тобольцева, в просторечии – Сонечка, специалист парашютной службы – так что торопится было ну никак невозможно! Не то, чтобы все откровенно пялились на её аппетитные формы – но нескромные взгляды нет-нет, да и бросали, тем более – было на что. Сонечка, конечно, всё понимала, как понимала и то, что ребятам вечером улетать за линию фронта – поэтому была решительно снисходительна к их молчаливому восхищению её фигурой, а лейтенанта Котёночкина, глядящего на неё с юношеским восторгом пополам со смущением – нет-нет, да и подбадривала кокетливой улыбкой. С грехом пополам всё же парашюты были уложены, группа загрузила имущество в полуторку управления – и к семи часам они уже были на аэродроме.

Быховский аэродром строили ещё при царе, до войны тут базировалась авиация Западного особого военного округа, потом его использовали немцы, а с начала июля с него летали на добивание отступающих дивизий группы армий «Центр» бомбардировщики пятого авиакорпуса. Три дня назад полки корпуса перелетели на аэродромы под Минском, и рулежные дорожки и взлётки аэродрома враз опустели – вместо непрерывно взлетающих, садящихся, рулящих и гудящих, как скопище огромных шмелей, «пешек» в капонирах одиноко скучала

полудюжина транспортных «дугласов», да на стоянке скучилось звено По-2, исполняющих обязанности связных самолётов.

«Дуглас» управления укрылся в самом дальнем капонири, подальше от любопытных глаз – и на то была причина.

Группа выгрузилась у самолёта, и капитан Савушкин, критически оглядев своё войско – скомандовал:

– Переодеваемся!

Бойцы, не спеша, скинули с себя гимнастёрки, пилотки и галифе, и, оставшись в исподнем – развернули брезент с грудой серой униформы.

Савушкин достаточно придирчиво оглядел свой мундир гауптмана, выбрал фуражку – и тоже принялся переодеваться. Бриджи пришлись впору, а вот мундир оказался излишне просторным – и капитан, накинув его, почесал затылок.

– Костенко, глянь, вроде великоват? Когда мерял – был вроде как раз, а сейчас болтается, как на корове седло...

– Та ничего страшного, товарищ капитан, мы ж по легенде драпаем неделю, могли и схуднуть!

– Логично. Ладно, главное – чтобы сапоги пришлись впору.

По летнему времени Савушкин носил лёгкие брезентовые сапожки, выкроенные Сазоновым из трофейного танкового чехла – после такой обувки немецкие офицерские хромо-вые сапоги с жёстким голенищем попервоначалу показались ему более инструментом пытки, нежели обувью. «Ладно, привыкну.» – решил капитан, и, вправив в ремень кобуру с «парабеллумом», на немецкий манер, слева от пряжки – прошёлся в своей новой ипостаси вдоль самолёта. Несколько раз подпрыгнув, присев и проделав парочку простейших упражнений – пришёл к выводу, что форма вполне годная. Теперь главное – не высовываться из капонира...

Группа тоже переделась. Кителя и бриджи у всех оказались ношенные, но целые и чистые, кепи и пилотки – достаточно выцветшие, чтобы не вызывать подозрений, но вполне годные для строя, сапоги у Костенко, Строганова и Некрасова – хоть и поношенные, но не прохудившиеся, из добротной юфти, Котёночку же достались шевровые ботинки с высокой шнуровкой – на его ногу тридцать девятого размера немецких сапог у Метельского не нашлось. Наверх кителя Котёночкин накинул «пантерку» – куртку камуфляжной окраски, в какой у немцев щеголяла мотопехота танковых и моторизованных дивизий вермахта и особенно СС, «панцер-гренадёры». Савушкин хмыкнул, но ничего на это не сказал – как-никак, они теперь бойцы авиаполевых частей Люфтваффе, а как говорил капитану один знакомый пилот в полку офицерского резерва – там, где начинается авиация, кончается порядок. Что у нас, что у немцев...

– Строганов, ты рацию освоил?

Радист, быстрее всех переодевшийся и теперь внимательно изучающий таблицу частот – поднял голову и кивнул.

– Так точно, товарищ капитан, майор всё объяснил и инструкцию на русском языке дал. Но там всё и так понятно, и удобнее, чем наш «Север». Хоть «Север» и хорош, ничего не скажу...

– Понял. Ладно, изучай свой талмуд, ты у нас завсегда – главный человек... Некрасов!

– Я, товарищ капитан! – Савушкин оторвал снайпера группы от увлекательной борьбы с ремнем его СВТ, решительно не желающим укорачиваться в предвидении грядущего прыжка с небес на землю.

– Патроны на твою «Свету» мы не получали. У тебя с прошлого выхода много осталось?

Некрасов скупно бросил:

– Сорок. Хватит...

– «Парабеллум» берешь или «вальтер»?

Некрасов пожал плечами.

– Да какая разница? Оба – пукалки никчемные, разве что для застрелиться... «Вальтер». Он полегче.

Савушкин кивнул. Сорок патронов – конечно, курам на смех, но специфика их работы в том, что, ежели придется Некрасову вести беглый огонь – то и четыреста патронов им не помогут. Если разведгруппа втянулась в огневой бой – значит, она раскрыта, а в тылу противника это с гарантией в девяносто девять процентов означает – всё, капут, спускай занавес и туши свечи... Оружие разведчика – глаза и уши, ну и рация, конечно. Всякое огнестрельное железо – это так, внешний антураж...

– Костенко!

Старшина группы, стоявший перед мучительным выбором головного убора – кепи, фуражка или пилотка – обернулся к командиру.

– Уже тридцать пять рокив Костенко... Я, товарищ капитан!

– Из своего имущества ты что погрузил?

Сержант пожал плечами.

– Та ничего такого... Всё по накладным. Десяток взрывателей да столько ж толовых пашек, три метра бикфордова шнура. Как я розумию, на всякий случай... Мало ли шо. Мы ж туда не взрывать шось летим, товарищ капитан?

Савушкин отрицательно покачал головой.

– Наблюдать. Но просто мало ли что, вдруг подвернется шось подходящее – шоб було, чем взорвать...

– Будэ. Товарищ капитан, нам Метельский заместо тушёнки американского колбасного фарша загрузил, шеесят банок. Вы его пробовали, вин съедобны?

Капитан кивнул.

– Вполне. Я его в госпитале, в Красногорске, в прошлом году попробовал. Ничего, вполне годная пища. Только цвет...

Костенко насторожился.

– А шо – цвет?

– Да розовый, как... Даже не знаю, с чем сравнить. Сам побачишь!

Костенко облегченно вздохнул.

– Розовый – не чёрный. Помните, как под Смолевичами горелую пшеницу жрали, две недели назад?

– Ну так не было больше ничего, нам в прошлый раз тушенки на неделю выдали, а бродить по немецким тылам пришлось восемнадцать дней... Не воровать же у населения? Тем более – там и воровать было нечего... Ладно, сапоги подошли? – У Костенко был сорок пятый размер ноги, и Савушкин опасался, что у Метельского не найдется подходящей обуви.

– Зер гут, герр гауптман! Подошли!

Капитан молча кивнул. И, обернувшись к своему заместителю, набивавшему магазин «парабеллума» – спросил вполголоса:

– Ну что, Володя, страшно вато?

Лейтенант вздохнул.

– Боязно, товарищ капитан. Я вот на вас смотрю – и самому себя стыдно. Трус я какой-то, вы и ребята – вон какие бесстрашные...

Савушкин улыбнулся.

– Ты поменьше обращай внимания на внешний вид. Все боятся. Я и сам боюсь. Мне как-то наш комдив, ещё в Сталинграде, сказал – я, говорит, не против, чтоб боялись, я и сам боюсь, мне главное – чтобы дело сделали, а ежели человек смерти не боится – то он либо дурак, либо врун. Так что не дрейфь. Нам всем страшно. Это нормально, главное – свой страх держать в узде и не давать ему тобой овладеть... – Помолчав, спросил: – Ты чего вчера Котлыбу обругал ни за что, ни про что? Он ведь просто доппаёк офицерский принёс?

Лейтенант виновато посмотрел на Савушкина.

– Да из-за допайка этого и сорвался. – Помолчав и собравшись с духом, продолжил: – Неправильно это. Доппайк, в смысле. Мы ведь рабоче-крестьянская Красная армия. Армия равенства и братства. А я, когда под Обоянью наша дивизия под немецкие танки попала – назначен был сопровождать офицерскую кухню в тыл. Офицерскую! И доппайк этот... Неравенство получается! Нечестно... Мы ведь воюем за справедливость во всём мире, а сами... Консервы эти рыбные, печенье, масло... Что бойцы наши о нас, офицерах, думают?

Савушкин пожал плечами.

– Ну, я свой доппайк на общий стол выкладываю, да и ты, я смотрю, так же делаешь...

– Да не о нас речь! Я в принципе! Неравенство у нас, в нашей рабоче-крестьянской армии! А неравенство порождает несправедливость... Нельзя это! Мы должны пример для всего угнетенного человечества показывать, а у нас – офицерские кухни... А у немцев, как тот обер-фельдфебель говорил, которого мы под Смоленичами взяли, повар – даже генералы с солдатской кухни питаются. Нет у них офицерских кухонь! И доппайков нет!

Савушкин помолчал, а затем ответил вполголоса:

– Вот что, Володя. Давай-ка мы эту тему закроем. Раз командование решило, что офицерам надлежит выдавать полевой доппайк – значит, будем его получать. И деньги, что нам финотдел начисляет – получать. Справедливо это или нет – давай уж после войны решим, хорошо?

– Ещё до конца войны дожить надо... – с сомнением протянул лейтенант.

– Доживём! Знаешь, куда нас сегодня планируют забросить?

Котёночкин пожал плечами.

– Судя по сводкам – куда-нибудь за Нёман...

– А за Вислу не хочешь? – И капитан, довольный полученным эффектом, вполголоса продолжил: – Я смотрел по карте – оттуда до Берлина всего пятьсот вёрст по прямой. Но... Это пока секрет. Приедет Баранов – озвучит бойцам... А вот и он; помяни чёрта – он и появится! – И действительно, к капониру управления подкатывал «виллис» подполковника.

Савушкин, обернувшись к бойцам, скомандовал:

– Группа, становись! – А после того, как его бойцы с лейтенантом на правом фланге быстро выстроились в куцую шеренгу – скомандовал «Смирно!», вскинув ладонь к козырьку, строевым шагом направился к подходящему командиру и, не доходя три шага, отчеканил:

– Товарищ подполковник, первая группа дальней разведки вверенного вам второго управления Разведупра Генштаба РККА к выполнению задания готова! Командир группы капитан Савушкин.

– Вольно!

Подполковник Баранов прошел вдоль строя, осмотрел амуницию и снаряжение, затем спросил Савушкина:

– Документы раздали?

– Никак нет!

– Раздайте.

Савушкин достал пачку серых книжечек, и в соответствии с вклеенными фотографиями раздал своей группе. Баранов кивнул.

– Ну а теперь – о главном. Товарищи разведчики, вам предстоит необычное задание. Вы впервые будете действовать за границами нашей Родины – в Польше. Задачу вам доведет ваш командир, я же должен вас предупредить об усиленном внимании и особой бдительности на территории иностранного государства. Вдобавок к этому, от вас будет зависеть очень многое, донесения вашей группы будут немедленно отправляться в Москву, начальнику Разведупра. И скажу более, вполне вероятно, что их будет читать... – Подполковник молча показал пальцем вверх. – САМ! Так что – бдительность, осторожность, внимание и максимальная достоверность донесений! Родина ждёт от вас выполнения задания и благополучного возвращения... –

Помолчав, добавил: – Ребята, от того, что вы нароете там, в Польше – будут зависеть планы трех фронтов. Вы уж постарайтесь не подкачать!

Сержант Костенко ответил за всех:

– Сделаем, Иван Трофимович. Когда мы вас подводили?

Баранов кивнул.

– Верю, что сделаете. Кому ж верить, как не вам... И учтите, хлопцы, плена для вас нет. Таких, как вы, немцы в плен не берут. Так что если ситуация безвыходная – пуля в лоб. – Помолчав, обратился к командиру: – Ладно, Савушкин, пошли, пошепчемся, пусть твои пока привыкают к немецкой форме, – с этими словами он взял капитана под руку и увлёк к хвосту «Дугласа», в тенёк.

– Лёша, у тебя по-немецки только Котёночкин справно балакает, ну и ты немного, остальные, насколько я помню, туговато?

Савушкин виновато вздохнул и пожал плечами.

– Академиев не кончали...

– Не страшно. Если будут вопросы – бойцы твои из «фольксдойчей», из-под Познани. В наших лагерях военнопленных таких нынче полно! Да и вообще, сейчас у Гитлера под ружьём столько всякого ненемецкого сброда – что они сами меж собой едва ли не жестами переговариваются. Так что не тревожься по этому вопросу. Я с тобой о другом хочу поговорить. – Достав портсигар и закулив, Баранов продолжил: – Ежели так сложится, что вам будет проще нас на том берегу дожидаться – немцы Варшаву оставят, или вообще эвакуируют завислянские губернии, как они в пору моего детства назывались – то пробирайтесь на Жолибож. Там найдете настоятеля костёла Святого Станислава Костки. Костёл этот новый, перед самой войной принят в эксплуатацию – а командует там уже изрядно пожилой дядька, ксёндз Чеслав Хлебовский. Вот он вам и будет нужен. По-русски он говорит свободно, в русско-японскую служил в Варшавской крепостной артиллерии, защищал Порт-Артур. – Увидев, что Савушкин настояжился, добродушно улыбнулся. – Да ты не становись в стойку, он никакого отношения к нашей службе не имеет. В тридцать девятом он помог с передачей денег матери Сигизмунда Леваневского, когда немцы заняли Варшаву и наше посольство получило команду обеспечить старушку содержанием на пару лет вперёд... Я тоже тогда в этом участвовал, потому как служил в Наркоминделе... отсюда его и знаю. Старик правильный, так что если будет нужда в Варшаве схорониться – найдите его.

Савушкин кивнул.

– Принято.

– Ну вот и славно. Тогда – готовьтесь к вылету, времени у вас осталось... – Подполковник посмотрел на часы, – акkurat сорок минут. Как говориться, с Богом!

Как только «виллис» подполковника скрылся за капониром – Савушкин обратился к своей группе.

– Поняли, куда летим? Так вот, задача у нас простая – путем наблюдения за дорогами, опросов населения и допросов захваченных «языков», если получится – то изучением захваченных документов – определить, в каком направлении немцы будут отходить из Варшавы. Определив направление их отхода – переправиться через Вислу и соединиться с нашими войсками. Всем всё понятно? Вопросы есть? Вопросов нет. – Помолчав и собравшись с мыслями, продолжил: – Порядок десантирования следующий: первым – лейтенант Котёночкин, затем Строганов, мешок с оружием, патронами, амуницией и рацией, Костенко, мешок с продуктами, Некрасов. Я замыкаю. Десантируемся в лесу, так что любое промедление с прыжком – серьезный шанс не найтись в этой пуще. Ща подойдет пилот, уточним точное место выброса. Пока разбирайте парашюты и подгоняйте снаряжение!

Через десять минут к самолёту подошёл давешний лётчик.

– Ого! Прямо живые немцы! Я даже струхнул слегка! – улыбнувшись, капитан Изылметьев обратился к Савушкину: – Командир, доставай карту. Будем смотреть, куда вам там сигать...

Они развернули свои карты на плоскости «дугласа». Лётчик сличил обе карты, довольно кивнул и сказал:

– Скидывать мы вас будем над этой поляной. – И указал пальцем, где именно. – Судя по карте, с востока на запад она, почитай, с километр, так что все будете друг для друга в прямой видимости. Не потеряетесь...

Савушкин кивнул.

– Хорошо. Грузиться?

– Валяй. Уже без десяти, пока прогреем моторы, выедем на рулѐжку – аккуратно будет девять.

Савушкин подозвал своих к карте.

– Так. Прыгаем сюда, – указал на карте поляну, одобренную пилотом. – Сбор – на юго-восточной окраине поляны, потом закапываем парашюты и бодро уходим в лес. До рассвета нам надо уйти в глубину чащи километров на пять-шесть. Всѐ, грузимся!

Как только группа погрузилась – правый мотор «Дугласа», несколько раз чихнув и громко фыркнув, завѐлся – и несколькими секундами позже, утробно хлюпнув, закрутил лопасти винтов левый. Через минуту, когда оба мотора заревели на максимальных оборотах – к группе Савушкина вышел ещё один обитатель кабины пилотов, второй пилот или штурман, Савушкин в этом никогда не разбирался. Незнакомый лётчик был в унтах и меховой куртке. Лица его было не разглядеть из-за вороха тулупов, которые он нѐс в охапку. Бросив их меж скамейками, на которых сидели разведчики – он жестами объяснил, что тулупы надо накинуть, а валенки, лежащие под скамьями – надеть.

Савушкин прокричал:

– Что, прямо сейчас?

Незнакомый лётчик отрицательно покачал головой и прокричал в ответ:

– Когда высоту наберем! На четырех тысячах – около нуля! – и, развернувшись, вернулся в кабину.

Самолѐт начал разбег, моторы заревели ещё громче – и вдруг разведчики разом ощутили отрыв от земли: самолѐт перестал трястись и подпрыгивать на кочках и ухабах, внезапно обретая плавность движения. Все бойцы, не сговариваясь, обернулись к иллюминаторам – под ними уходил вниз и назад пейзаж окрестностей Быхова, вдаль, за рулями высоты, блеснул Днепр – и тут же «Дуглас» окунулся в мягкую вату белых облаков. Рѐв моторов немного утих.

К группе вышел давешний тулупоносец.

– Так, хлопцы, мы сейчас набираем эшелон, минут через десять выйдем на рабочую высоту. Накиньте тулупы, валенки – лететь три часа, успеете замѐрзнуть. Теперь – самое важное. Прыжок – головой вниз, резко, как в воду. Отсчитываете пять секунд – дѐргаете кольцо. За эти пять секунд надо развернуться лицом в сторону движения, ноги вниз, иначе захлестнѐт парашют – ну да, думаю, вы в курсе... Кольцо – здесь. – Лётчик указал на квадратную пряжку на левой лямке парашюта капитана Савушкина, сидящего ближе всех к двери в кабину пилотов. – Головой вниз! Если вздумаете выходить из машины, как дома в дверь – снесѐте своей башкой рули высоты, поломаете самолѐт. А нам ещё назад возвращаться...

Савушкин улыбнулся. Юмор у авиации прямо искромѐтный...

– Да, ещё. – продолжил лётчик. – Когда загорится красная лампа, – он указал на сигнальные огни над дверью в кабину пилотов, – Скидывайте тулупы и валенки, одевайте парашюты. Красная лампочка будет означать, что до выброса – двадцать минут. И ещё. Капитан Изылметьев, вполне возможно, забыл вам сказать, но на точку выброски мы будем заходить с запада – сделав для этого небольшой кружок вѐрст в двести. Ежели нас обнаружат – а это вполне реально, у немцев наблюдательных постов там хватает – то пусть думают, что мы англичане.

Они над Польшей часто летают... Всё, больше вам мешать думать о вечном не буду, ждите красную лампочку! – И с этими словами покинул салон, скрывшись за дверью кабины пилотов.

Савушкин взгромоздил свой парашют на скамью, прилёг на него и закрыл глаза. Три года идёт война, три долгих года... И только сейчас мы возвращаемся к старым границам. Сколько ж это нам стоило! Трудов, усилий, пота и крови... Сколько ребят полегло – которым жить да жить! Сколько всего разрушено, сожжено, разграблено... Война закончится – лет двадцать всё придется восстанавливать! Тут внезапная мысль заставила его, обернувшись к своим бойцам, бросить:

– Хлопцы, а ведь мы – первые бойцы Красной армии, что перейдут границу!

Лейтенант Котёночкин покачал головой.

– Пилоты наших бомбардировщиков её с августа сорок первого переходят. Берлин бомбили...

– Пилоты – понятно, а по земле – будем мы!

Сержант Костенко, хмыкнув, ответил:

– Главное – шоб не под землёй...

– Типун тебе на язык! – бросил Некрасов. И добавил: – Старую границу наши уже прошли, а новую – мы первые. Так что с почином!

– Ну, до той границы ещё долететь надо... – скептически ответил Костенко.

– Так, спорщики, у нас ещё пару часов есть вздремнуть – кончай митинг! – проворчал из своего тулупа радист.

Разведчики замолчали, думая каждый о своём, укутавшись в тулупы и свернувшись на грузовых мешках и парашютах – и лишь Котёночкин продолжал всматриваться в иллюминатор, надеясь в надвигающихся сумерках что-то разглядеть внизу.

Савушкин не заметил, как задремал – и тут внезапный звонок вернул его в реальность. Он глянул на дверь в кабину пилотов – над ней мигала красная лампа. Время!

Скинув тулуп и валенки и, внезапно оказавшись в холодном прореженном воздухе – поёжился и осмотрел свою группу. Все четверо его товарищей молча возились с парашютами и кожаными шлемами, которые полагалось надевать при прыжке. Савушкин одел парашют, натянул шлем, засунув фуражку за обшлаг кителя – и тут из кабины вышел капитан Изылметьев.

– Готовы?

Савушкин кивнул.

– Как пионеры. Скоро?

– Семь минут до точки выброски. Осмотрите друг друга, чтобы все карабины и пряжки были защёлкнуты. Не дай Бог, кто парашют потеряет в прыжке, потом не отпишешься...

– Не потеряем. По нам не стреляли, истребителей немецких не было? А то я заснул ещё над нашей территорией...

Пилот отрицательно покачал головой.

– Нет, всё чисто. Мы перед Вислой на всякий случай на шесть с половиной тысяч поднялись, мало ли что... Зенитчики немецкие нас проморгали или решили, что овчинка выделки не стоит, а ночных истребителей у них тут нет – сейчас они все на Западе. – Сказав это, он вернулся к себе в кабину.

А, ну да, высадка в Нормандии... Да, сейчас немцам не до нашего «дугласа». Савушкин скомандовал:

– Группа, осмотреть друг друга!

Так, всё вроде в порядке. Лица у ребят серьезные, от недавнего веселья и следа не осталось. Ещё бы! Впереди – ночь, неизвестность, враги...

Из кабины вышел давешний одариватель тулупами. Молча подошёл к двери, отодвинул засовы – и, перед тем, как открыть, спросил у разведчиков:

– Все помнят, как надо прыгать? – И сам себе ответил: – Головой вниз, как в омут! И не тянуть, над поляной мы будем двенадцать секунд!

Над переборкой загорелась зелёная лампа. Лётчик распахнул дверь, и, шагнув в сторону, бросил:

– Пошли!

Котёночкин и Строганов сиганули друг за другом с интервалов едва в две секунды, после них грузовой мешок, к вытяжному кольцу которого был пристёгнут леер, закрепленный на проволочном тросе возле двери, вытолкнул Костенко и тотчас вслед за ним прыгнул сам, затем так же, как своего близнеца, Некрасов вытолкнул второй мешок, и, чуть замешкавшись – сиганул ему вслед. Савушкин нырнул за ним – как и велел лётчик, головой вниз, сразу от порога резко вниз. Кому ж охота головой в руль высоты впечататься?...

Уаххх! – в лицо полыхнул резкий удар воздуха. Двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять – кольцо! Над головой глухо выдохнуло полотнище парашюта, стропы резко дёрнули тело вверх... Раскрылся удачно! Внизу ни черта не видно, но это пока, ближе к земле что-то можно будет распознать, прыгали, знаем... Савушкин оглянулся. В ночном небе чуть ниже, лесенкой, белели парашюты. Шесть! Значит, пока всё идет по плану...

До опушки на северо-востоке – всего шагов пятьдесят, секунду бы замешкался – оказался бы в лесу, слазь потом с той сосны. Повезло... Савушкин подобрал ноги, собрался – но всё равно удар о землю оказался весьма чувствительным, у капитана уж потемнело в глазах...

Так, нижние стропы резко на себя... Гасим купол... Всё, ажур! Собрать парашют, утоптать купол, приготовить его к захоронению. Больше он ему не понадобится, а сестричек из полевого госпиталя, которым это полотнище – как дар небесный – поблизости не наблюдается...

Со стороны поляны донесся шум движения, можно было различить натужное сопение людей, которые тащат тяжёлый груз. Все?

Все. Строганов и Некрасов тащили мешок с оружием, патронами и рацией, Костенко и лейтенант Котёночкин – с продуктами. Парашюты грудями белого шёлка громоздились на мешках.

– Все живы? Ноги у всех целы? – Савушкин помнил, что самая большая опасность при прыжке с парашютом – повредить суставы ног, или, не дай Бог, поломать кости. Прямая дорога к провалу всей группы...

Котёночкин, успокоив дыхание, доложил:

– Всё в порядке. Все целы. Груз в сохранности.

Капитан кивнул.

– Хорошо. Некрасов, Котёночкин – закапывайте парашюты, Костенко – в дозор на опушку, Строганов – двадцать шагов на север, наблюдай. Я – в лес, посмотрю, как тут с мешками нам пройти... – сняв кожаный прыжковый шлем, Савушкин одел фуражку, проверил свой «парабеллум» и, сторожко глядя по сторонам, пошагал к лесу.

Тишина-то какая... Первая их ночь в Польше... Небосвод звёздами полыхает, луна в три четверти, красотища! И главное – тишина... Птицы дрыхнут, звери затаились по своим норам, людей в радиусе километров двадцати – днём с огнём не отыскать. Самое глухоманистое место под Варшавой...

И лишь только эта мысль промелькнула в голове у Савушкина – как внезапно из леса раздался мгновенно расколовший тишину выстрел, хлесткий, громкий, и пуля – судя по тому, что она опередила звук выстрела, из винтовки – мгновенно сбила с него фуражку. Капитан тут же бросился в высокую траву, живо откатился в сторону, затем осторожно, как только мог, подполз к ближайшей сосне, и медленно выглянул из-за её корней в сторону выстрела.

Из леса вышли двое пацанов – хоть и ночь, но различить в стрелках подростков Савушкину удалось – и направились к месту, где, по их предположениям, должен был лежать уби-

енный ими немецкий офицер. Не найдя труп, хлопцы удивлённо оглянулись – и обнаружили за спиной капитана Савушкина. «Парабеллум» в его руках заставил подростков бросить винтовки.

Савушкин показал стволом пистолета – руки, дескать, подымите! Хлопцы подняли руки, обреченно глядя на своего пленителя.

– Сконд бендзете, хлопаки? – Савушкин понимал, что его вопрос очень далёк от правил польского синтаксиса, но тут уж не до филологических изысков...

Хлопцы молчали, лишь на глазах того, что был поменьше ростом – в свете луны блеснула слеза.

– Товарищ капитан, хто стрелял? – из темноты появился сержант Костенко, держа наизготовку свой автомат.

– Rosjanie? – изумился тот, что повыше.

– Zdrajcy! – с ненавистью бросил малорослый.

Савушкин вздохнул.

– Не, хлопаки, мы не здрайцы, мы бежали з лагеря. Пробираемся к своим. Естемы вязнями, идземо на всхуд. До Червоной армии... – Вот же чёрт, и как же их угораздило на этих мелких поляков наткнутся!

Младший, глядя с ненавистью на Савушкина, прохрипел:

– Chcesz nas zabić – zabij. Nic ci nie powiemy! – и добавил, чуть тише: – Szkoda, że cię nie zabiłem!..

Савушкин вздохнул.

– Вот что, хлопцы. Забеж свои карабины и идзь. Не потшебны вы нам. Але не пшеншкоджай нам! Розумешь? – Заправил «парабеллум» в кобуру, поднял обе винтовки (оказалось – обычные маузеровские «курцы»), выщелкнул из них затворы, засунул их в карман бриджей, а сами карабины протянул стрелкам.

Пацаны изумлённо переглянулись, растерянно посмотрели на Савушкина – и тут же, подхватив своё оружие, со всех ног кинулись в лес.

Костенко откашлялся.

– Товарищ капитан, а може, зря вы их?...

– Костенко, я слушаю твои предложения. – Сухо ответил Савушкин.

Сержант пожал плечами.

– Та бис его знае, товарищ капитан... Пацаны совсем! Шо они тут в лесу робили?

– Что-то охраняют. От немцев. Или от своих, которые иногда хуже врагов... Поэтому меняем дирекцию движения, уходим отсюда строго на юг. Второй раз я этим балбесам мишенью быть не хочу! – Помолчав и едва заметно улыбнувшись, добавил: – Фуражку мне угробили, черти. Где тут её найдёшь... Хорошо я пилотку захватил офицерскую. – Помолчав, продолжил: – Но знаешь, Костенко, что меня во всём этом представлении обрадовало?

– Шо, товарищ капитан?

– Что польские мальчишки до смерти ненавидят немцев и готовы их убивать при любой возможности. А это значит – Польша жива, Костенко! Эти пацаны вернули мне веру в поляков – хоть по стрелковой подготовке я бы им поставил жёсткий «неуд»...

Глава вторая

В которой главный герой убеждается в том, что призыв Маяковского к иттыку приравнять перо – имеет под собой основание, и что филология на войне – иногда важнее винтовки...

Пробираться ночью через лес – то ещё развлечение, а если с двумя тяжеленными грузовыми мешками, то это – импреза, как говорят поляки, вообще за гранью добра и зла...

Через три часа изматывающей борьбы с густым подлеском, рухнувшими от старости и наполовину сгнившими елями и соснами, цепкими кустами можжевельника и нарастающей усталостью, когда в просветах меж деревьями начало светлеть небо на востоке – Савушкин, в очередной раз глянув на компас, скомандовал:

– Всё. Привал! Час на отдых!

Котёночкин, последние двадцать минут шедший в дозоре и потому наименее уставший – тюки несли вдвоём, пятый, постоянно меняясь, шел впереди – спросил:

– Далеко ушли?

Капитан недовольно буркнул:

– Вёрст семь, от силы... – Затем, отдышавшись, приказал: – Костенко, сыпани ещё разок табаку на наш след. Собак, конечно, тут у них нет, но бережёного Бог бережёт...

– Зробымо, товарищ капитан! – И Костенко, достав из-за пазухи специально для этой цели припасенный кисет, отошел на десяток шагов назад и щедро сыпанул добрую жменю махорки на траву и черничник, которым заросла вся пуща.

Разведчики без сил повалились на мешки.

– Котёночкин, десять минут бди. Потом на смену буди меня. Если усну... – Капитан пристроился к торцу мешка, поправил на животе кобуру с «парабеллумом» и попытался задремать. Ничего не получалось – мысли бурлили в голове и никак не хотели успокаиваться. Какой уж тут сон...

Итак, каковы будут их дальнейшие шаги? Устроить базу в пуще и с неё совершать наблюдательные рейды на основные дороги? Этот вариант в Быхове казался идеальным – реалии же показали иное. Кампиноская пуща – она только по названию пуща, с той же Налибокской, куда их десантировали в прошлый раз – не сравнить! Да и Польша – не Белоруссия... Нет, не годится. Оставаться здесь – обречь себя на провал, это – капкан. Вокруг полно деревень, поляки шастают тут даже по ночам – эвон, его чуть не подстрелили! – и наверняка их парашюты видели не только те двое подростков... Капкан. Западня. Немцы, скрывающиеся в лесу от немцев – это сюрреализм какой-то, любой поляк, обнаружив их – а их обнаружат, вопрос ближайших двух-трёх дней – немедля донесет местным властям или в немецкую комендатуру. Или известит местную ячейку Армии Крайовой, или как у них тут называются территориальные подразделения этой подпольной армии? Не важно. Важно, что о них вполне могут узнать бойцы АК. И все их усилия пойдут псу под хвост... Не, надо искать другой вариант...

Хотя – что его искать? Они – немцы, у них форма, документы, оружие... Всё подлинное. Они в Генерал-губернаторстве вполне легально, командировочные предписания со всеми печатями и штампами – на руках. Правда, Алленштайн чуток в другую сторону, и отметок контрольных пунктов по пути от Витебска до Варшавы нет, но это не важно – в условиях крушения группы армий «Центр» никто на это внимания не обратит, тем более – местные власти. Так, где ближайшая гмина? В Серакуве. Немцы, правда, вроде как-то по-другому теперь называют эти административные единицы, но у поляков они по-прежнему в обиходе – гмины. До Серакува где-то вёрст десять ещё чесать... Надо карту глянуть.

– Котёночкин!

– Я, товарищ капитан!

– Тащи плащ-палатку.

Лейтенант поднёс увесистый свёрток. Да, немецкая-то потяжелей нашей будет...

– Накрой меня, так, чтобы я мог фонарь зажечь.

Карта немецкая, подробная, масштабом сходная с нашей двухвёрсткой... так, мы примерно тут. Хорошо. До Серакува прямо на юг – примерно восемь километров. За три часа дойдем, уже будет светло... Так, если принять правее – выйдем на старые вырубки, идти будет не в пример легче – а стоит оно того? Не стоит. Будем соблюдать скрытность до самого последнего мгновения – зачем старосте, или как он там по-немецки обзывается, этого Серакува знать, откуда они пришли? Тем более – про парашюты ему наверняка доложат, не сегодня, так завтра... Так. Далее. Немецкая полевая комендатура – в Ожарове Мазовецком, это далеко. Что есть гут. Но вполне вероятно, что какие-то немецкие военные власти могут быть поблизости – этого тоже не стоит исключать. Но это мы узнаем у старосты. Если у него есть телефон – а, скорее всего, есть – он о них обязан будет доложить этим немецким властям. Поэтому будем действовать на упреждение. Чтобы у этого старосты и на мгновение сомнений не возникло!

Теперь – где отабориться. Идеальный вариант – пан Тадеуш Заремба. Дорожный мастер. У него дом из красного кирпича, большой сад, и живёт на краю деревни, в последнем доме. Привет от Збышка из Люблинского пехотного полка, напомнить, как делили хлеб и сало под Барановичами в семнадцатом году... Но к этому Зарембе надо старосту очень аккуратно подвести. Чтобы думал, что это его решение... Дом его крайне удачно расположен – от него дороги идут и на восточнопрусский шлях, и на берлинский, и обе железнодорожные ветки – в паре часов пути. То, что надо! Легализуемся, доложим по начальству – немецкому и нашему. Пока немецкие отцы-командиры решат, куда нам дальше – мы тут получим предписания, талоны на питание, транспортные документы, всё выведем – и убудем... куда? Ладно, куда-то убудем. Главное – поближе к фронту. Не пришлось бы через Вислу под огнём переплывать, тьфу-тьфу! Конечно, идеальный вариант – дожидаться, пока немцы отойдут, и «сдаться в плен» – ну а потом в особом отделе сказать правильное слово и вернутся к своим.

Но это всё – планы. А любой план, как известно, трещит по швам при первом же контакте с реальностью...

– Товарищ капитан. Время... – Чёрт, совсем забыл! Пора на пост!

Савушкин сложил и убрал в планшет карту – с непривычки запутавшись в немецком клапане и чуть не уронив её в густой черничник – а затем, погасив фонарь и сняв плащ-палатку, обратился к заместителю:

– Всё, Котёночкин, отдыхай. У тебя пятьдесят минут, должен выспаться!

Лейтенант молча кивнул, разложил плащ-палатку и, улегшись на неё – через минуту ровно засопел. Савушкин искренне позавидовал такой мгновенной способности засыпать – эх, молодость, молодость...

На востоке ощутимо светлело. Да, июль, ночь коротка... Зато тепло. Вон, бойцы в одних кителях как упрели! Сопят всю, умаялись, черти... Так, в Серакув этот надо зайти с востока, а еще лучше с юга. Не с севера, не с северо-запада. А лучше заехать. Машину бы... Но это малореально. Машину захватить, конечно, дело плёвое, водителя – в штаб Духонина, Некрасова за руль... Одна беда – машины наверняка тут наперечёт, староста мгновенно узнает местный самоход. А идти на познаньскую трассу – это ещё один день убить. И не факт, что всё получится, там движение активное, дорога Берлин-Варшава... Ладно. Решим по ходу пьесы.

Тишина-то какая, Господи! Лес пошёл смешанный, дышится легко. И как-то ощутимо охота пожрать... Ну да это через полчаса. Разбудим бойцов, позавтракаем – и марш-марш в обход этого Серакува.

Как там Тимоха? Последнее письмо от него было в начале июня, с Первого Белорусского. Раскрывать дислокацию частей в письмах нельзя, но, по парочке верных примет – дивизия их стояла где-то на юге Белоруссии, Гомель, Речица... Сейчас уже небось под Слуцком. Пишет, что назначен старшим ветеринарным врачом полка... Старший лейтенант. Тимошка-Тимофей,

братишка ты мой... Никого у него не осталось, кроме брата. НИ-КО-ГО... Дай Бог младшему дожить до Победы! У врача всяко больше шансов, чем у пехотного Ваньки-ротного... Хотя в мае сорок второго и ему досталось, когда их дивизия чуть не наполовину вымерзла под Канда-лакшей. Писал тогда, что кони их спасли, сгрудились и не дали замёрзнуть, а стрелковые роты получили сполна и с перебором. Чуть не тысяча бойцов замёрзла. И такое на войне бывает...

Так, всё, десять моих минут истекли. Костенко или Некрасова? Или Строганова? На златом крыльце сидели, царь, царевич, король, королевич... Ладно, пусть будет Некрасов.

– Ефрейтор Некрасов, подъём! Витя, вставай, не вынуждай к репрессиям!

Снайпер открыл глаза, непонимающе огляделся, посмотрел на Савушкина – и выдохнул.

– Есть вставать, товарищ капитан. Поначалу не понял, где мы...

– Этого и я пока не понимаю... Давай, заступай в караул. Десять минут, потом буди радиста.

Ну всё, теперь можно и поспать. А то, что сорок минут всего – так то пустяки, можно и за сорок минут выспаться, дело знакомое...

И Савушкин мгновенно погрузился в сон.

* * *

– Товарищ капитан! – осторожное потряхивание плеча вернуло Савушкина в реальность. Строганов, опять деликатничает... Ого! Шестой час утра – это по Москве, по Варшаве – вообще четвертый – а уже всё видать вокруг. Однако быстро тут светает, почти как в Белоруссии, он думал, что будет позже... Ладно, встаём!

Капитан поднялся, отряхнул мундир и бриджи, поправил кобуру. Разведчики уже были на ногах, торопливо оправляясь от недолгого сна.

– Так, разведка. Идём до точки росы, дирекция – юго-юго-восток. Потом разбиваем бивуак, ждём сеанса, докладываем, что все живы-здоровы, я ставлю вам боевую задачу – и продолжаем движение по песку и сухому подлеску. На росе следа не оставлять! Строганов, когда сеанс?

– Семь тридцать – семь сорок пять по Москве. В этом интервале.

Савушкин глянул на часы.

– Так, сейчас быстро завтракаем, хороним банки – и марш-марш! Сегодня у нас важный день!

Костенко достал из грузового мешка пять банок колбасного фарша, сухари, большую баклагу с водой. Разведчики живо разобрали консервы, аккуратно и не торопясь – потому что в этом деле поспешишь – и людей насмешишь, и пальцы порежешь – вскрыли их своими ножами и с помощью ложек, активно помогая сухарями, бодро принялись завтракать.

Савушкин открыл свою банку специально припасенным немецким консервным ножом, взятым в качестве трофея у немецкого диверсанта ещё под Смоленском. Фарш оказался таким же, как в красногорском госпитале – розовым, остро-сладко пахнущим не нашими специями, но главное – вполне сытным и годным к употреблению. А с сухарями – так и вообще деликатесом! Савушкин вспомнил, как в Сталинграде остатки их армейского разведбата, брошенного на подкрепление совсем уж изнемогшей от непрерывных боёв пехоты Родимцева-Роди, три дня подряд питались сухим гороховым концентратом, сбрасываемом в мешках без парашютов работягами У-2 по ночам – запивая его сырой волжской водой. Развести огонь и сварить суп тогда тоже не было никакой возможности. Сейчас-то всяко повеселей...

Быстро закопав пустые банки, разведчики двинулись в путь прежним порядком – четверо несли грузовые мешки, один, постоянно меняясь – шел дозором метрах в десяти впереди. Идти утренним лесом было не в пример легче, чем ночью, даже дышалось легче – впрочем, тут причина была иной: густой хвойный лес с преобладанием ели сменился смешанным, в котором

дубы, буки и грабы вперемешку с зарослями орешника изрядно прибавили живости окружающему ландшафту. Один раз Савушкину показалось, что позади группы мелькнули какие-то тени – но, как он ни всматривался в глубь леса, так ничего и не увидел. Волки? Ничего страшного, сейчас лето, волки на людей не кидаются... Или не волки? Ладно, чего там гадать, все равно ничего не увидел... Сейчас главное – как можно дальше уйти от места выброски!

К пяти утра, впрочем, марш пришлось остановить – на лесные травы легла роса.

– Всё, привал! – скомандовал Савушкин. И добавил: – Сейчас займёмся изучением нашей службы у немцев. – С этими словами он достал из планшета листок бумаги с данными четвертой авиаполевой дивизии люфтваффе, полученный у майора Дементьева. Разведчики усадились на мешки и приготовились слушать.

– Слушаем и продолжаем внимательно осматриваться вокруг. Разобраться по секторам! – после чего продолжил: – Первое. Документы у вас на немецкие имена и фамилии. Костенко, ты – обер-фельдфебель Вильгельм Граббе, Володя, ты – обер-лейтенант Отто Вайсмюллер, Некрасов – ефрейтор Йоганн Шульц, Строганов – унтер-фельдфебель Штефан Козицки, по ходу, из онемеченных познаньских поляков. Но это не важно. По-немецки вы говорите плохо, потому что являетесь фольксдойчами с Познаньщины... Или лучше из-под Мемеля. Литовский тут в любом случае никто не знает. Ну и я – гауптман Эрнст Вейдлинг, коренной берлинец, так что прошу с этого момента это учитывать. Отныне и до окончания операции вы – не вы, а чины люфтваффе; немцы из вас, правда, весьма условные, но, как граждане Рейха, вы были призваны в ряды вооруженных сил. Сейчас это у немцев сплошь и рядом. Ну вы сами помните ту группу сапёров, что мы захватили под Смолевичами – по-немецки там вообще никто правильно не говорил...

Второе. Наша четвертая авиаполевая дивизия люфтваффе была сформирована осенью сорок второго года. Воевали с партизанами под Витебском. Перед разгромом дивизия входила в состав пятьдесят третьего армейского корпуса третьей танковой армии. Армия эта широко известна в вермахте тем, что в её составе нет ни одного танка – но это так, к слову. Самоходки, кстати, есть, вернее, были – например, в танковом батальоне нашей дивизии. Наш батальон тылового снабжения попал под бомбёжку прямо на марше, на шоссе Витебск-Богусевск, к своим не выбрался никто, кто не убит – тот в плену. Но об этом немцы не знают, официально третья танковая армия отходит с боями к Вильнюсу, а что там на самом деле твориться в Белоруссии – неведомо даже в ставке у Гитлера, не говоря уж – в полевой комендатуре в Ожарове Мазовецком. Так что смело требуем связаться с нашим командованием и уточнить задачу, дней десять у нас на всё про всё будет.

Теперь – легенда. Наша группа была отправлена в Алленштайн двадцать первого июня. Мы должны были получить какое-то радиотехническое оборудование – какое, мы не знаем, режим секретности – и вернуться с ним в расположение дивизии. Но случилось то, что случилось – русские начали наступление, наши машины – у нас их было две, грузовик «Бюссинг» и мой кубельваген – были разбиты прямым попаданием у переправы через Березину, дальше нам удалось запрыгнуть на открытую платформу и доехать до Варшавы. Тут у нас лакуна, нас должны были снять с поезда на границе Рейха, но оправданием нам – полный хаос в группе армий «Центр». Попробуем избежать обвинений в дезертирстве... Требование на аппаратуру у меня с собой, но что там напечатали наши спецы – я не знаю, конверт запечатан. Да если бы и не был – я всё равно ни черта не пойму... Надеюсь, и комендант в Ожарове не поймет. Пока всё. Вопросы?

Костенко, почесав затылок, спросил полуутвердительно:

– Легализуемся по полной? Как под Корсунем?

– Ещё глубже. Теперь у нас есть реальная воинская часть. Вернее, была – но в этом-то вся и прелесть. И мы – вернее, наши крестнички, что сейчас в плену – в ней служили. Что подтвердят любые запросы...

Теперь – по мобильности. Что потребует полевая комендатура в Ожаруве, когда узнает, что на окраине Кампиносской пуши объявилась какая-то мутная группа командированных военных с фронта? Правильно, явиться пред светлые очи герра коменданта. Поэтому в Серакув мы прибудем не только на обывательской повозке – но и как минимум двое из нас будут ранеными. Я и... – Савушкин оглядел своих бойцов, – и радист. Женя, ты в любом случае от рации не должен отходить дальше, чем на метр, так что перебинтуем тебе ногу. Мне – голову. Когда в группе двое из пяти – калеки, требовать от них бодрости движения по меньшей мере... М-м-м... неразумно.

– Товарищ капитан, сколько нам тут куковать? – спросил Некрасов.

– Сколько надо. Сейчас Строганов отправит донесение в штаб группы и получит самые свежие директивы – если что-то изменилось. Но не думаю. В любом случае – день-два у нас уйдут на легализацию. Потом, пока комендатура в Ожаруве будет пытаться связаться с четвертой авиаполевой дивизией, потом – с пятьдесят третьим корпусом, потом, отчаявшись – со штабом третьей танковой армии – мы будем шурудить на путях сообщений немцев. Нас интересуют два направления – Сохачев-Варшава и Варшава-Плоньск, то есть на Берлин и на Восточную Пруссию. Шоссейные и железные дороги в этих направлениях. Надо зафиксировать передвижения немцев на этих дистанциях – подробно, в деталях. В Генштабе уверены, что немцы будут эвакуировать территории на правом берегу Вислы и тет-де-пон у Варшавы – и хотят знать, куда именно. Ответ на вопрос «куда?» мы и должны дать. Аккурат дней десять нам на всё про всё хватит, после чего получаем направление отхода и убываем к фронту – дабы перейти на нашу сторону. Задача всем понятна?

– А если комендатура пришлет проверку? – Костенко явно сомневался в своих знаниях немецкого языка.

– Мы её встретим и предоставим все необходимые документы. Они у нас в абсолютном порядке! – Савушкин огляделся вокруг, посмотрел на часы и добавил: – Сеанс связи через десять минут. Пока Строганов будет чирикать по бумаге, а потом стучать ключом – команда имеет время отдохнуть. Некрасов – дежурный! – после чего, махнув головой радисту, отошел с ним на несколько шагов от группы.

– Что докладываем? – спросил Строганов.

– По минимуму. Выброска успешна, все живы, целы, имущество в порядке. Когда следующий сеанс?

Строганов пожал плечами.

– Как всегда. Через двенадцать часов. В девятнадцать тридцать по Москве.

– То есть в полшестого по варшавскому. Надо будет успеть до этого времени обосноваться в этом Серакуве... ладно, составляй шифровку. Не буду тебе мешать...

Вернувшись к группе, Савушкин приказал старшине:

– Костенко, доставай рацию и закинь повыше антенну. От нас до Быхова по прямой – вёрст восемьсот. Хотя, я думаю, управление уже в Минске... Всё равно – закидывай на максимум!

– Яволь, герр гауптман!

– Ото ж...

После того, как Строганов составил свою шифровку, отстучал её на ключе и получил квитанцию – группа быстро собралась и двинулась далее – все больше и больше забирая влево, чтобы, по расчетам Савушкина, выйти на юго-восточную окраину Серакува.

К полудню по московскому времени (то бишь, в десять утра по варшавскому) группа вышла на просёлочную дорогу, идущую с юго-востока на северо-запад. Савушкин глянул карту и удовлетворённо кивнул.

– Если все правильно – то это дорога Ляски-Серакув. Она нам и нужна. Всё, достаём из мешков снаряжение, навьючиваемся, разбираем оружие. Строганов, рацию – в рюкзак!

Минут пять группа деятельно обвешивалась портупелями, скатками, сухарными сумками, противогазными футлярами, ранцами, подсумками и прочей амуницией. Вдобавок Некрасов перебинтовал капитану голову, а Костенко извел два индивидуальных пакета на ногу радиста – для достоверности присыпав бинты серой дорожной пылью.

Когда разведчики закончили процесс перевоплощения – Савушкин скомандовал:

– Мешок с продуктами – на совести обер-лейтенанта и ефрейтора, обер-фельдфебель Граббе – на дорогу. Костенко, запомни – *Wohin gehst du?* Это вопрос «Куда ты едешь?». Запомни! Всё, давай, мы с Женей, как калеки – присядем на обочину. Всё, ждём!

Ждать пришлось недолго. Минут через пять из-за поворота показалась пароконная повозка, обычно – судя по длине – перевозящая брёвна или пиленный лес; в деревне у Савушкина такие экипажи обычно назывались «ропуски».

Костенко, до этого старательно проговаривающий про себя заветную фразу, властным жестом остановил изумлённого встречей с немцами в глухом лесу возчика.

– Хальт! *Вохен гехст ду?*

Поляк испуганно развёл руками.

– *Przepraszam, panie oficerze, ale nie rozumiem!*

Савушкин про себя выругался. Вот же черти, уже без малого пять лет в составе Рейха, а язык выучить не удосужились! И, встав и подойдя к «обер-фельдфебелю Граббе», спросил на ломаном польском:

– Доконд пан едзе?

– *W Seraków, pan Hauptmann!* – Ага, чертила, по-немецки мы не понимаем, а что значат два латунных ромбика на штаб-офицерском погоне – разбираемся влёт...

Тонем, не терпящим не то, что возражения, но даже мысли о таковом – Савушкин произнёс:

– Добже, мы поедзем з тобой. – И, обернувшись к своим, бросил: – *Komm!*

Разведчики погрузили на повозку мешок, расселись сами – после чего Савушкин, устроившийся с наибольшим комфортом на скамье поперёк боковых слег – для чего ловким пинком ноги ему пришлось принудить возницу спрыгнуть с ропуски и стать рядом с повозкой – скомандовал:

– Ходзь!

Крестьянские лошадки привычно поволокли разом потяжелевший ропуск, возница, шедший слева от Савушкина, нет-нет, да и поглядывал укоризненно на капитана – но, как говорится, *poblesse oblige*, надо изображать немца даже в таких мелочах... Ничего, пусть протрясётся пешочком, нечего было войну проигрывать!

Вскоре показались скрытые густой листвой дворы Серакува. Первым справа, как и говорил «товарищ Збигнев», оказался капитальный дом из красного кирпича, в окружении большого фруктового сада. По ходу, именно в этом доме живёт таинственный пан Заремба, с коим им надлежит свести дружбу... Но это потом. Сначала – староста! Или как там глава гмины у них сейчас зовётся... Войт? Вроде войт, староста, или солтыс – это в мелких деревнях...

– Едзь до войта! – возчик послушно кивнул и на первом большом перекрестке свернул налево. Через двести метров он взял своих гнедых под уздцы, и, указав на неприметный домик в глубине зарослей черемухи – поклонившись, произнёс:

– *W tym domu znajdziesz Voyta...*

Савушкин спрыгнул с ропуски и, махнув рукой своим бойцам, скомандовал:

– *Zug, absteigen!* – разведчики поняли, что надо слезать, приехали – и живо покинули ропуск.

Молча кивнув лейтенанту Котёночкину – дескать, теперь ты старший – Савушкин отправился к представителю польской администрации – уж какая она у них сейчас есть...

Как выяснилось – войт увидел повозку с незваными немецкими гостями заранее, потому что уже ждал на крыльце дома, настороженно (и неприязненно – хотя пытался это скрыть) глядя на Савушкина.

– Wasser, waschen und trinken! Kontakt mit dem deutschen Kommando!¹ – Надменно командовал капитан.

– Przepraszam pana Hauptmanna, ale nie rozumiem języka niemieckiego²... Нихт ферштейн! – Савушкину показалось, что своим незнанием немецкого войт даже гордился. Вот чёрт!

Собравшись было перейти на ломаный польский – в последний миг он успел остановиться. Дьявол, да ведь это же – прямой путь к провалу!

Этот чёрт, войт, за пять лет оккупации тысячу раз слышал, как на польском говорят – ну, или пытаются говорить – немцы. И все немецкие ошибки в произношении, все оттенки акцентов – знает наизусть. А он, Савушкин? Чёрта лысого! Он будет говорить на ломаном польском с РУССКИМ акцентом – и никак иначе! И староста – тьфу, то есть в смысле войт – на третей его фразе поймет, что никакие они не немцы. А учитывая, что этот Серакув тридцать лет назад, в пору юности одного войта, был Варшавской губернией Российской империи – то легко и просто догадается, что Савушкин и его команда – просто пятеро русских мужиков, зачем-то вырядившихся немцами... Вот и вся кадриль.

Что же делать? Молчать нельзя!

– Ви понимает русиш? – Единственный вариант, который пришел ему в голову – ломаный русский! Как его коверкать на немецкий манер – он приблизительно знает, и вряд ли этот польский деятель знает это лучше. Хуже – весьма вероятно! А для офицера с Восточного фронта знание азов русского – совершенно естественно...

Войт в изумлении посмотрел на Савушкина, но, спохватившись, тут же отвечал:

– Так, трохе розумем. Служив царю Миколаю.

– Мне необходим вода – умыться и пить. Мои зольдатн. Ещчо. Связь с немецкий командование. Дом для ночлег и отдых. Виполнять!

Войт молча кивнул и вышел в соседнюю комнату – откуда до Савушкина донеслось: «Cholerni Niemcy, diabeł przyniósł je do naszej głowy! Staśja, przynieś im wiadro wody, Janek, spróbuj dotrzeć do niemieckiego komendanta!»³

Выйдя в горницу, где его ждал Савушкин – войт доложил:

– Воды тераз буде, моя цурка вынесе её солдатам. Телефон – тутай, – И войт указал на двери в соседнюю комнату.

Савушкин, зайдя туда – обнаружил нечто вроде кабинета войта, совмещенном с продуктовым складом: в углах стояли какие-то коробки, ящики, у двери громоздились мешки с зерном. Посреди комнаты стоял стол, на котором располагался немецкий армейский полевой телефон в окружении хаоса в виде бумаг, огрызков карандашей, чернильницы, каких-то коробок... В трубку телефона что-то старательно говорил мальчишка лет четырнадцати – при виде Савушкина протянувший ему трубку.

– Biuro komendanta polowego w Ożarowie⁴. – пробормотал доморощенный телефонист.

Савушкин молча кивнул, взял трубку и выпалил:

– Hauptmann Weidling, die vierte Felddivisionen der Luftwaffe! Auf Geschäftsreise nach Allenstein geschickt! Mit mir, meinem Leutnant und drei Unteroffizieren.⁵ – Постаравшись придать

¹ Воды, умыться и пить! Связь с немецким командованием!

² Прошу прощения у pana гауптмана, но не понимаю по-немецки...

³ Проклятые немцы, чёрт принес их на нашу голову! Стася, принеси им ведро воды, Янек, попробуй дозвониться до немецкого коменданта!

⁴ Полевая комендатура в Ожарове

⁵ Гауптман Вейдлинг, четвертая авиаполевая дивизия! Направлен в командировку в Алленштайн! Со мной мой лейтенант

своему докладу «берлинский» оттенок – за какой отдельное большое спасибо геноссе Ульриху! Краем глаза он увидел, как войт старательно вслушивается в его слова – и про себя улыбнулся: уж кому-кому, а этому поляку его berlinerisch по достоинству не оценить, тут другие слушатели нужны...

С той стороны трубки помолчали, а затем сипловатый голос уже довольно немолодого человека произнёс:

– Feldkommandant des Bezirks Pruszkof, ober-leutnant von Tilze. Gustav Wilhelm. – Помолчав, добавил: – Hauptman, bist du ein Berliner?⁶

Савушкин на мгновение задумался. Фон? Дворянин? Отлично! И ответил:

– Charlottenburg!

– Kreuzberg. Wir sind Nachbarn, Kumpel!⁷ – И уже изрядно мягче продолжил: – Was zum Teufel hast du in diesen Wald gebracht, Hauptmann?⁸

Отлично, контакт налаживается. Теперь главное – закрепить результат! И Савушкин небрежно бросил:

– Ich wusste bis heute Morgen nicht, dass ich in Polen war!⁹...

С той стороны весело рассмеялись.

– Verlassen Sie Ihre Kollegen und kommen Sie zu mir nach Ozarów. Ich habe hier einen kleinen Vorrat an Vorkriegsschnaps!¹⁰

Хорошая идея..., Пожалуй, имеет смысл согласится. Но как доехать?

– Meine Autos blieben auf der Berezina. Wie komme ich zu dir?¹¹

Комендант лишь хмыкнул.

– Wenn ich deine Probleme hätte... werde ich meine kübelvagen schicken. Wo befinden Sie sich?¹²

Савушкин оторвался от трубки и обратился к войту:

– Ми проезжать хороший дом на край деревня. Кирпич. Большой сад. Ми будем разместиться там!

Войт поклонился.

– Яволь, герр гауптман. Это дом пана Зарембы. Он teraz працуе на железной дороге.

Савушкин снова приложил трубку к уху.

– Wir werden im Haus von Zaremba sein, dies ist das erste Haus am Eingang von Seraków aus dem Südosten!¹³

– In einer Stunde fährt mein Fahrer auf Sie zu. Ich werde den Tisch für jetzt decken. In Wehrmacht gibt es nur noch wenige Berliner!¹⁴...

– Wir sind von der Luftwaffe.¹⁵ – на всякий случай уточнил Савушкин.

– Nicht wichtig. In einer Stunde.¹⁶ – и положил трубку.

Так. Вроде всё пока идет штатно. Теперь – к пану Зарембе! Это хорошо, что его дом оказался на их пути сюда, теперь размещение группы там будет выглядеть совершенно есте-

и трое унтер-офицеров.

⁶ Полевой комендант округа Прушкоф обер-лейтенант фон Тильзе. Густав-Вильгельм. Гауптман, вы берлинец?

⁷ – Шарлоттенбург. – Кройцберг. Мы соседи, дружище!

⁸ Какого чёрта тебя занесло в этот лес, гауптман?

⁹ Я вообще до сегодняшнего утра не знал, что нахожусь в Польше...

¹⁰ Оставь своих коллег и приезжай ко мне, в Ожарув. У меня тут небольшой запас ещё довоенного шнапса!

¹¹ Мои машины остались на Березине. Как я могу до тебя добраться?

¹² Если бы у меня были твои проблемы... Я пришлю свой кюбельваген. Ты где разместился?

¹³ Мы будем в доме пана Зарембы, это первый дом при въезде в Серакув с юго-востока.

¹⁴ Хорошо, через час мой водитель к тебе подъедет. Я пока накрою стол. В вермахте осталось немного берлинцев...

¹⁵ Мы из люфтваффе.

¹⁶ Не важно. Через час.

ственно. Увидели по пути хороший дом – решили там остановиться. Но пешком туда идти – не резон, они, как-никак, раса господ. Надо у этого войта потребовать транспорт...

– Нужен повозка. Везти груз. Сейчас! – Негромко, но внушительно скомандовал Савушкин.

Войт тяжело вздохнул и покорно поклонился.

– Тераз бендзе. Але мала, на едного коня.

– Не имеет важности. Нужно везти груз. Мы идем ногами.

Войт обернулся к своему сыну, стоявшему у порога:

– Janek, zaprzęgnij konia do wozu i weź niemiecką torbę do Pana Zaremby¹⁷ – после чего обратился к Савушкину: – Пан гауптман, надо ордер и печёнтку от пана коменданта.

– Понимаю. Будет. Я через час ехать в Ожарув. Сейчас – к место дислокации!

Через полчаса они с сыном войта, ведущим коня в поводу, подошли к дому пана Зарембы. Савушкин, идя чуть позади повозки, внимательно и по возможности незаметно осматривал село. Судя по немногочисленным лицам местных, изредка выглядывающих из-за кустов и оград – им тут явно не рады. В принципе это, конечно, хорошо, но вот в их частном случае – как-то не очень: от неприязненных взглядов до выстрела в спину дистанция совсем невелика... Ладно, будем надеяться, что градус ненависти у здешних жителей к немцам ещё не достиг точки кипения – хотя, судя по тем подросткам, что лишили его фуражки, уже близок к взрыву...

– Pan Zaremba, otwórz, to Janek! – прокричал сын войта и постучал в калитку.

Через минуту на крыльце появился пожилой дядька, несмотря на июльскую жару – в меховой жилетке, и в чёрной железнодорожной фуражке.

– Cześć, Janek, kto to jest z tobą? Gdzie znaleźliście tych Niemców?¹⁸

– Przyjechaliśmy dziś rano z Lasok. Chcą z tobą żyć. Mój ojciec powiedział mi, że to z powodu podatku żywnościowego¹⁹

– Żeby nie żyli... Powiedz im, niech wejdą. Czy mówią po polsku?²⁰

– Hauptman mówi po rosyjsku. Ale źle. Słuchałem jego rozmowy z komendantem. Są z Frontu Wschodniego²¹...

Савушкин про себя усмехнулся. А малый не так прост, как кажется! Немецкий понимает – но виду не подаёт. Надо будет к нему присмотреться... Ладно, надо брать быка за рога.

Отодвинув сына войта, Савушкин открыл калитку и обратился к хозяину:

– Мы тут будем жить. Пять. Два комнаты. Груз – в дом! – И указал на мешок.

Пан Заремба пожал плечами.

– Надо – несите. Две комнаты есть. Прошам. – И указал на входную дверь.

Савушкин переглянулся с лейтенантом. Тот молча кивнул, обернулся к своим, молча указал на грузовой мешок. Костенко с Некрасовым его подхватили и поволокли в дом.

Савушкин обошёл дом, осмотрел окна, подходы, пути возможной эвакуации. Годится. Густой сад, кусты смородины образуют удобную аллею от окон к лесу – то, что надо. Ладно, надо поговорить с хозяином – пока как гауптман Вейдлинг. Не будем торопиться раскрывать карты, чёрт его знает, этого Зарембу, по чьей партитуре он сейчас играет...

Капитан вошел в дом. Унтера уже шерудили в своей комнате, что-то там передвигая и гремя сапогами. Котёночкин тоже скрылся в «офицерской» комнате – тоже, по ходу, обустроивался. Хозяин что-то строгал на кухне – что ж, самое время с ним пообщаться...

¹⁷ Янек, запряги коня в возок, и отвези немецкий мешок к пану Зарембе

¹⁸ Привет, Янек, это кто с тобой? Где ты нашел этих немцев?

¹⁹ Приехали сегодня утром из Лясок. Хотят у вас жить. Отец сказал, что это будет в счет налога на продовольствие.

²⁰ Чтoб они сдохли... Ладно, скажи им, пусть заходят. Они по-польски говорят?

²¹ Гауптман говорит по-русски. Но плохо. Я слушал его разговор с комендантом. Они с Восточного фронта

– Polen, am Abend werden wir uns waschen. Wir müssen ein Bad vorbereiten²².

Пан Заремба отчего-то усмехнулся в усы, оглянулся, посмотрел в оба окна – после чего, вздохнув, промолвил на хорошем русском:

– Ну наконец-то вы пришли... Как же долго я вас ждал...

²² Поляк, вечером мы будем мыться. Надо подготовить баню.

Глава третья

В которой главный герой убеждается в том, что «кому война – а кому мать родна» – не пословица, а руководство к действию...

В кухне повисло напряжённое молчание.

Пан Заремба пытливо глядел в глаза Савушкина – ожидая ответа; капитан же мучительно искал выход из создавшейся ситуации. Признаться? Сказать то, что передал «товарищ Збигнев»? А если это провокация? Если этот старик – никакой не Заремба, а «подсадная утка» гестапо, настоящий же Заремба сейчас сидит в подвалах СД в Варшаве? А если даже и Заремба – кто даст гарантию, что его не перевербовали немцы? Предполагалось, что они проживут у него дня три, присмотрятся – и только потом раскроют карты... а что делать теперь?

Старый поляк откашлялся и негромко спросил:

– Мучаешься сомнениями, капитан? – Помолчав, продолжил: – Понимаю. Тогда я скажу за тебя. Можно?

Савушкин молча кивнул. Пан Заремба, улыбнувшись, сказал:

– Семь парашютов сегодня ночью над Корейбовой пустошью. Два хлопцы, что в вас стреляли. Вы их отпустили – думая, что хлопаки побегут додому... Они вас довели до Серакува! – И улыбнулся, по-мальчишески широко и открыто.

Твою ж мать... А ведь ему тогда не показалось! Две серые тени в глубине леса... Вот же чёрт! Савушкин молча кивнул своему собеседнику – дескать, продолжай. Тот кивнул в ответ и продолжил:

– Вы могли быть и немцами – но хлопаки принесли вот это, – с этими словами поляк, подняв лежащий на полу мешок, достал из него банку из-под американского колбасного фарша. И продолжил: – Теперь твоя очередь, пан капитан...

Савушкин вздохнул.

– Ваша взяла, пан Заремба. Збышек передаёт вам привет и просит вспомнить хлеб и сало, что вы делили на позициях под Барановичами... в Люблинском пехотном полку пятнадцатой дивизии.

Поляк вздохнул.

– Был такой полк, и была такая дивизия... А сало мы делили из рождественских посылок. Наш полк считался «сиротским», бо Люблинщину немцы заняли в пятнадцатом году... И нам присылали подарки из-под Ижевска, там было много эвакуированных поляков, они стали «крёстными» нашего полка... – Помолчав, уже другим тоном продолжил: – Как я могу вам помочь?

Савушкин подумал и ответил:

– Сейчас я поеду в Ожарув, в фельдкомендатуру. Нам надо легализоваться. Ну а когда вернусь – мы всё решим. Договорились?

Старый поляк кивнул.

– Добже. Я пока покормлю твоих людей и нагрее воды – для мытья и стирки. Немецкий зольдат должен быть образцом порядка и дисциплины! – Иронично добавил пан Заремба. А затем, глянув в окно, выходящее на улицу – удовлетворённо произнёс:

– Машина комендатуры. Думаю, что за тобой...

Тут в голову Савушкина пришла одна мысль.

– Пан Заремба, у вас есть палка? – И показал, как опирается на воображаемую трость.

Поляк кивнул.

– Сейчас принесу. – Встал и вышел; слышно было, как он копался в кладовой, что-то упало, раздалось какое-то шуршание – после чего хозяин вернулся на кухню, торжественно

неся в руках богатую старинную трость чёрного дерева, инкрустированную серебром, с серебряным же набалдашником.

– Вот! Подарил пан профессор Стефан Жеромский, в октябре тридцать девятого, когда я вывез его из Варшавы. Теперь он в Швеции, а его палка – здесь...

– Я возьму на время, попользоваться? Для немцев я ранен... – и Савушкин указал на повязку на голове.

Поляк пожал плечами.

– Бери, мне она пока не надо...

Знатная вещь... Ладно, надо озаботиться планом действий при негативном развитии событий. Ну, например, на тот случай, если его в комендатуре раскроют и застрелят – или, того хуже, насмерть споят шнапсом... Савушкин окликнул своего заместителя:

– Котёночкин!

Лейтенант тут же выскочил из дальней комнаты и застыл в недоумении – не зная, как отвечать. Савушкин усмехнулся.

– Можно не являть. – Помолчав и дав лейтенанту время на осознание того факта, что они раскрыты – продолжил: – Я еду в комендатуру. Если к трем часам по варшавскому времени не вернусь – грузитесь и уходите в лес. Но недалеко. Наблюдайте за домом. Ну а если меня не будет и к шести – всё, аллес, командир группы с этого мгновения ты, и вы продолжаете выполнять задание уже без меня. Всё ясно?

Котёночкин обреченно кивнул.

– Так точно, товарищ капитан!

Савушкин улыбнулся.

– Не дрейфь, лейтенант! Вряд ли комендант меня разоблачит. Документы в порядке, я фронтовик, он тыловая крыса, у нас разная война. Фронтовик меня бы махом раскрыл, а с этим есть большой шанс легализоваться... Всё. Иди.

Савушкин встал, и, опираясь на трость, вышел во двор. У «опель-капитана», остановившегося у ворот дома, неспешно курил пожилой грузный дядька лет пятидесяти, в довольно нелепо сидящей на нём военной форме.

– Feldkommandantenbüro in Ozaruw? – строго спросил у него Савушкин.

– Jawohl, Herr Hauptmann! – толстый увалень попытался вытянуться во фрунт, но у него это очень плохо получилось.

– Hauptmann Weidling, die vierte Felddivisionen der Luftwaffe. Lass uns gehen! – и решительно открыл заднюю дверь. Водитель сделал было попытку выслужиться – но, увидев, что чужой офицер мало внимания придаёт чинопочитанию, махнул рукой и сел за руль.

«Опель», выплеснув клуб сизоватого дыма в ворота пана Зарембы, развернулся и неспешно поехал по деревенской улице, пугая зазевавшихся кур и бешено раздражая собак. Машин они, что ли, не видели? – про себя изумился такой собачьей ярости Савушкин.

Что ж, первый экзамен на польской земле вот-вот начнется. И принимать его будет довольно пожилой, судя по голосу, обер-лейтенант фон Тильзе, Густав-Вильгельм. Пруссак – судя по фамилии, берлинец – судя по реакции на berlinerisch Савушкина, дворянин – судя по «фон». Что ж он, дожил до таких лет, а всё в старших лейтенантах ходит? Ему, Савушкину, всего двадцать семь, а он уже капитан... Ладно, это мы пропустим. Сам расскажет, если захочет. Теперь – о языке. Самая деликатная тема...

В своём берлинском диалекте он не сомневался. Всё ж три года интенсивной зубрёжки, под водительством коренного берлинца «товарища Ульриха». Как фамилия этого деятеля Коминтерна – они так и не узнали, ну да это и не важно. Одно плохо – немец тот был самого что ни на есть пролетарского происхождения, всю жизнь до убытия на фронт в августе четырнадцатого проживший в Моабите. Ещё тот райончик, до Шарлоттенбурга – как до Парижа попластунски... И лексика. Произношение – это не всё, есть ещё такой опасный момент, как

местные идиомы. Попасться на незнании которых можно запросто. Берлинец – и не знает специфических берлинских выражений? Нонсенс. А маленькая ложь, как известно, рождает большое недоверие... Что в этом случае надлежит делать? Свести диалог к минимуму. Сославшись на слабое здоровье – чему доказательством послужит его перевязанная голова. Но и не переиграть – а ну как этот дворянин заставит его отправиться с госпиталь? Где врачи с удивлением обнаружат под повязкой целый череп без признаков какого-то ранения...

Решено – ранение головы заживает и не опасно, но не позволяет вести длительные диалоги. На этом и будем стоять...

Теперь – его семейство. Вейдлинги. Кто они, чёрт побери, вообще такие? Знать бы хоть крупицу биографии своего «крестничка»... Ладно, биографию можно и придумать, невелика премудрость. Вряд ли этот фон Тильзе будет её изучать. Собственно, а зачем придумывать? Мать – врач-акушер, отец – инженер на авиационном заводе, сестра – студентка медицинского, брат – ветеринар. И не важно, что все эти люди – Савушкины, отныне они будут Вейдлингами! Из Берлина... И врать ничего не придется, и на противоречиях его никто в этом вопросе не поймает! Хотя нет, авиационный завод не пойдёт, чёрт его знает, есть ли в Берлине вообще авиазаводы. Пусть будет механический. Такой точно есть!

«Опель» довольно бойко катил на юг, лес вокруг то редел, обнажая за редким кустарником куцые поля, изувеченные чересполосицей, то снова густел и наливался зеленью. До Ожарува где-то километров двадцать, с такой скоростью за полчаса управимся...

Тут взгляд Савушкина наткнулся на странную купу срубленных деревьев, поначалу принятую за результат санитарной вырубki. Ещё одна, ещё, а тут целая группа из нескольких куп, какие-то странные серо-зелёные холмы неправильной формы, угловатые, без обычных покатых склонов... И опять купы срубленных берёзок... Они тут что, лес прореживают? Берёзовый? Зачем?

ТВОЮ Ж МАТЬ!!! Да это танки, укрытые срубленным берёзовым молодняком! И маскировочные сети, которыми накрыты колонны грузовиков!

По затылку Савушкина пробежал холодок. Танки, танки, танки... Грузовики – тентованные «опель-блитцы», тяжелые «бюссинги» – тягачи, артиллерия... Кубельвагены с противотанковыми пятидесятимиллиметровками на прицепах... Снова тентованные грузовики... Да сколько ж их тут!?

Не меньше дивизии. Танков точно поболее сотни. Сотни три грузовиков. Солдат возле техники нет вообще, никакого движения вокруг грузовиков и танков не наблюдается. Это понятно, с высоты десяти тысяч метров вся эта музыка должна выглядеть тихим мирным лесом... или на какой высоте летают наши и англо-американские разведчики? Сверху всё это скопище техники не видно абсолютно.

Дивизия полнокровная, свежая. Вся техника – аккуратная, без привычных глазу повреждений от активной эксплуатации. Даже свежееокрашена! Надо зафиксировать... Где мы сейчас? Его Автомедон²³ точно должен знать, чай, не в первый раз рулит по этим лесам...

– Soldat, wo sind wir jetzt?

Толстый увалень, тут же повернувшись, услужливо доложил:

– Vorbei am Dorf Izabelin, Herr Hauptmann!

Хорошо, так и запишем: на южной окраине деревни Изабелин на пространстве около четырех квадратных километров сосредоточена танковая дивизия. Свежая, в боях не участвовавшая. Знать бы ещё её номер... Впрочем, это ещё ни о чём не говорит. Одна дивизия, пусть даже танковая, в масштабах фронта – величина переменная. Одной дивизией больше, одной меньше... Тем более – не ясно, куда её предполагают направить. Наши ещё в Белоруссии, дай

²³ В мифах древних греков возница Ахиллеса.

Бог, чтобы старую границу перешли... Но в любом случае, то, что немцы готовятся отходить к старым границам – далеко не факт. Танковые дивизии для отступления по лесам не прячут...

Ага, вот и Ожарув. Что ж, товарищ Ульрих, посмотрим, насколько ты был хорошим преподавателем!

Савушкин вышел из машины, потянулся, и, опираясь на палку и стараясь придать походке лёгкую неуверенность – направился ко входу в комендатуру. С этого мгновения он – гауптман Вейдлинг, офицер батальона снабжения четвертой авиаполевой дивизии люфтваффе, чудом избежавший витебского «котла» – в котором сгинули и его батальон, и вся остальная четвертая авиаполевая дивизия во главе с генералом Писториусом, да и весь пятьдесят третий армейский корпус...

* * *

Унтер-офицер полевой жандармерии, стоящий у входа на второй этаж комендатуры, не говоря ни слова, требовательно протянул Савушкину раскрытую ладонь. Понятно, нужны документы. Капитан достал солдатскую книжку с вложенными в неё командировочным предписанием и требованием на аппаратуру в плотном сером пакете. Пушай копаются, документы у него в полном ажуре...

– Bitte. Kommandant – Büro zwölf²⁴. – бросил фельджандарм, бегло оглядев, даже не открывая, документы Савушкина, и возвратил ему обратно зольдбух и прочие бумаги. Однако! Экая тыловая небрежность... И что, субординация для фельджандармерии уже не обязательна? Нет, такого спускать нельзя! И Савушкин, изобразив на лице удивлённое ожидание, остался стоять на месте. Унтер, скрипнув зубами, выдал из себя:

– Kommen Sie herein, Herr Hauptmann. Das zwölfte Kabinett²⁵.

Вот так-то лучше! А то обнаглели, крысы тыловые, фронтовиков уже ни в грош не ставят...

Так, второй этаж, двенадцатый кабинет. Охраны нет. Глубокий тыл, кого им тут бояться... Хотя почему – «им»? Нам! Мы ведь теперь тоже немцы и оккупанты...

Ну, с Богом! И Савушкин открыл дверь в кабинет коменданта.

– Herr Kommandant, Hauptmann Weidling, die vierte Felddivisionen der Luftwaffe!

Сидящий за столом в глубине кабинета пожилой офицер поморщился, как от зубной боли.

– Hör auf, Ernst, gib nicht vor, ein Krieger zu sein. Immerhin, Ernst, habe ich recht?²⁶

Ого! Однако... Двух часов не прошло! Как-то слишком бодро они тут работают, как бы не наработали чего лишнего...

– Nur so, Herr Oberleutnant, Ernst!²⁷

Комендант покровительственно улыбнулся.

– Nun, ich – Gustav. Hoffe ich kann dir helfen²⁸... – жестом указав на стул у приставного столика, комендант продолжил: – Sag mir, was ist mit dir passiert?²⁹

Теперь главное – не спешить. Он – раненый фронтовик, слегка не в себе – что объяснимо, учитывая, что твориться в последние три недели на фронте группы армий «Центр»; берлинец, хоть и с провалами в памяти, желающий как можно надольше откреститься от фронта и прочих

²⁴ Пожалуйста. Комендант – кабинет двенадцать.

²⁵ Проходите, герр гауптман. Двенадцатый кабинет.

²⁶ Перестаньте, Эрнст, не изображайте из себя служаку. Ведь Эрнст, я прав?

²⁷ Именно так, герр обер-лейтенант, Эрнст!

²⁸ Ну а я – Густав. Надеюсь, я смогу вам помочь.

²⁹ Рассказывайте, что у вас случилось?

ужасов, но и в дезертиры не стремящийся. Обычный офицер, не герой, но и не трус, честно тянувший свою лямку в непонятно кому нужной войне. Вот так, пожалуй, будет правильное всего...

Савушкин сел, зажав трость между колен и опершись на ней руками.

– Gustav, weißt du hier in Polen, was an der Ostfront passiert³⁰? – Спросил он у коменданта.

Геpp фон Тильзе пожал плечами.

– Die Bolschewik kommen. Wir verließen Vitebsk und Bobruisk. In der Ukraine gibt es Kämpfe in Galizien. Gefällt dir nichts verpasst?³¹ – и улыбнулся.

Савушкин в изумлении даже поначалу не знал, что ответить. «Оставили Витебск и Бобруйск»? А то, что колонны немецких пленных все дороги в Смоленской области забили – это что, фунт изюму? Что дюжина ваших генералов уже в плену, а ещё столько же – вот-вот сдастся – это как? Захваченными немецкими пушками наши сапёры болота гатят! Хотя... Может, ему на всё это просто наплевать? И Савушкин согласно кивнул.

– Die Situation ist kompliziert. Wir verließen Witebsk am 23. Juni und zwei Tage später, an der Überquerung der Beresina, wurden unsere Fahrzeuge von russischen Flugzeugen niedergebrannt. Ivanen ging auf den Kopf!³² – Сейчас надо подпустить трагизма, желательно – со слезой...

Комендант в ответ лишь развёл руками.

– Das ist Krieg, mein Junge. Beim Heulen töten. Vor drei Jahren sind wir fröhlich und trotzig durch Russland gelaufen, jetzt sind sie an der Reihe...³³

А коменданту-то, похоже, наплевать на всю эту заваруху, полыхающую вокруг... Сколько ему сейчас? За полтинник? Значит, воевал в ту войну. И пережил на своём фронтовом веку всё, о чём рассказывал «товарищ Ульрих» на лекциях – эйфорию патриотизма первых августовских дней четырнадцатого года, ярость наступления, горечь от потери товарищей, и, в конце концов – осознание полный бессмысленности ежедневно пожирающей тысячи жизней кровавой мясорубки... Старый и мудрый человек – которого старшие товарищи пристроили на непыльную должность военного коменданта в тихой польской глухомани. Небось, и обер-лейтенанта получил ещё тогда, в пятнадцатом-шестнадцатом году. Да так потом и демобилизовался. А в тридцать девятом его призвали снова, и опять – обер-лейтенантом. Так и тянет лямку, равнодушно глядя на суету вокруг. Плевать ему на эту войну... Что ж, тем лучше!

– Gustav, kannst du das Hauptquartier unsere division? Was wird für uns bestellt? Sie verstehen, die Situation ist kompliziert...³⁴ – И Савушкин посмотрел на коменданта с затаённым намёком на своё решительное нежелание получить быстрый ответ.

Фон Тильзе усмехнулся.

– Ich nehme an, es wird viel Zeit in Anspruch nehmen. Umzug, Adressänderung... Ich denke, Sie müssen drei oder vier Tage warten!³⁵

Савушкин кивнул.

– Wir werden warten. Wir haben genug zu essen. Aber wir haben Kraftfahrzeuge verloren...³⁶

Комендант снисходительно улыбнулся.

³⁰ Густав, вы тут в Польше знаете, что происходит на Восточном фронте?

³¹ Большевики наступают. Мы оставили Витебск и Бобруйск. На Украине идут бои в Галиции. Вроде ничего не пропустил?

³² Ситуация сложная. Мы покинули Витебск 23 июня, а уже через два дня на переправе через Березину наши автомобили сожгли русские самолёты. Иваны по головам ходили!

³³ Это война, мой мальчик. На войте убивают. Три года назад мы шли по России весело и задорно, теперь пришла их очередь...

³⁴ Густав, вы можете запросить штаб нашей дивизии? Какие будут распоряжения для нас? Вы понимаете, ситуация сложная...

³⁵ Полагаю, это займёт достаточно много времени. Передислокация, смена адреса... Думаю, три-четыре дня вам придется подождать!

³⁶ Мы подождём. Продовольствия у нас достаточно. Но мы потеряли автотранспорт...

– Warum brauchen wir Landsleute? Ich werde dir helfen, Ernst. Ich habe einen Opel, der wegen einer Panne stehengeblieben ist. Sie unterschreiben es in Empfang – und gehen zu sich selbst!³⁷

– Aufschlüsselung? Ist es fehlerhaft?³⁸

Фон Тильзе махнул рукой.

– Genneke – du hast ihn gesehen, er hat dich zu mir gebracht – erst gestern hat er ihn repariert. Nimm es weg!³⁹ – И с хитрым прищуром посмотрел на Савушкина. А затем спросил, как бы между прочим: – Eberhard Weidling-Sauckel, Mitinhaber der Stockerau Bank – nicht Ihr Verwandter? Sie sind aus dem brandenburgischen Weidling, oder?⁴⁰

Савушкин про себя улыбнулся. Тонкий и деликатный намёк; пожалуй, с этим фон Тильзе можно иметь дело... Как там говорил майор Дементьев, деньги ещё никто не отменял? Похоже, наш случай, к тому же благородство коменданта выглядело как-то уж совсем неправдоподобно. И Савушкин, многозначительно промолчав и интимно улыбнувшись обер-лейтенанту, открыл свою полевую сумку, достал оттуда пачку рейхсмарок и, отсчитав триста – деликатно положил их на стол коменданту.

– Ich bin dir unendlich dankbar, Gustav! Du hast gerade meine Gruppe gerettet!⁴¹

Обер-лейтенант кивнул, взял пачку банкнот, бережно пересчитал их и, спрятав в бумажник, в свою очередь, исчезнувший во внутреннем кармане кителя – промолвил:

– Verdammt, Ernst, die Front hat deine Manieren im Gegensatz zu anderen nicht verdorben! Kontaktieren Sie mich, ich werde immer bereit sein, Ihnen zu helfen!⁴² – Затем, протянув руку, добавил: – Gib mir deine Reisezertifikate, ich werde meinen Stempel aufsetzen und sie dir ausstellen. Fünf Tage sind genug?⁴³

Савушкин кивнул:

– Genug davon. Wir werden uns nicht beeilen, wann sonst können wir uns in einem solchen Sanatorium ausruhen? Wald, saubere Luft, freundliche polnische Mädchen...⁴⁴

Комендант покачал головой.

– Nicht alles ist so wolkenlos. Seien Sie vorsichtig, aber das ist Polen...⁴⁵

Савушкин заинтересованно спросил:

– Partisanen? Armee des Landes? AK?⁴⁶

– Nein. Andere Organisation. Sie nennen sich⁴⁷... – Комендант наморщил лоб, щёлкнул пальцами, и, вспомнив, по-польски произнёс: – Bataliony Chłopskie!

Час от часу не легче, подумал про себя Савушкин. Какие ещё «батальоны хлопские»? Об эту польскую политику сам чёрт ногу сломит, честное слово... Ладно, надо пояснить герру обер-лейтенанту, что такое настоящие партизаны...

³⁷ Ну а зачем тогда нужны земляки? Я помогу тебе, Эрнст. У меня есть «опель», который оставили из-за поломки. Распишись в получении – и езжай к себе!

³⁸ Поломка? Он неисправен?

³⁹ Геннеке – ты его видел, он привез тебя ко мне – вчера как раз его починил. Забирай!

⁴⁰ Эберхард Вейдлинг-Заукель, совладелец банка «Штоккерау» – не ваш родственник? Вы ведь из бранденбургских Вейдлингов, не правда ли?

⁴¹ Я безмерно благодарен вам, Густав! Вы просто спасли мою группу!

⁴² Чёрт возьми, Эрнст, фронт не испортил ваших манер, в отличие от прочих! Обращайтесь, я всегда готов буду вам помочь!

⁴³ Давай свои командировочные удостоверения, я поставлю свою печать и продлю их тебе. Пять дней хватит?

⁴⁴ Достаточно. Спешить мы не будем, когда ещё мы сможем отдохнуть в таком санатории? Лес, чистый воздух, дружелюбные польские девушки...

⁴⁵ Не всё так безоблачно. Будьте осторожны, все же это Польша...

⁴⁶ Партизаны? Армия страны? АК?

⁴⁷ Нет. Другая организация. Они называют себя...

– Wir haben in Weißruthenien gekämpft. Es gibt Partisanen – hinter jeder Kiefer hatte, unsere Division manchmal nicht genug Kraft, um eine Landstraße im Wald freizuschalten...⁴⁸

Фон Тильзе кивнул.

– Ja, ich habe davon gehört. Monströser Albtraum. Diese Russen kennen die Regeln der Kriegsführung überhaupt nicht...⁴⁹

Ладно, пора закругляться. Печати на командировочных этот обер-лейтенант проставил, запрос в штаб четвертой авиаполевой дивизии отправит. Долго же он будет идти... – про себя усмехнулся Савушкин. И произнёс:

– Wo kann ich mein Auto abholen?⁵⁰

Комендант кивнул в сторону окна, выходящего во двор.

– Dunkelgrauer Opel-Kapitän. Cabrio.⁵¹

– Benzin, Öl?

– Voller Tank, frisches Öl. In der Heizungsanlage – nicht einfrierende Flüssigkeit. Obwohl es jetzt nicht relevant ist...⁵² – достав из верхнего ящика стола ключи, комендант протянул их Савушкину. – In fünf Tagen warte ich auf dich.⁵³

– Nochmals vielen Dank, Gustav. Du hast mir sehr geholfen!

Обер-лейтенант небрежно махнул рукой.

– Es gibt nichts zu reden. Kein Essen mehr – ruf mich an, ich schreibe dir drei Dutzend Rationen...⁵⁴ – спохватившись, добавил: – Ich habe den Schnaps vergessen!⁵⁵

Савушкин кивнул.

– Nächstes Mal! Außerdem kenne ich das magische polnische Wort... bimber!

Комендант улыбнулся.

– Ja, polnischer Mondschein ist ein erstaunliches Produkt. Aber Sie sind vorsichtiger damit!⁵⁶

– И добавил: – Nun, ich wage nicht zu zögern! Gute Reise!⁵⁷

Савушкин вышел из здания и, обогнув угол, оказался во дворе комендатуры. Кроме давешнего «опеля», который его сюда доставил, там стояла пара мотоциклов с колясками, грузовик с двумя газогенераторными бочками за кабиной, пятнистый юбельваген без правого переднего колеса, и довольно потрёпанный жизнью тёмно-серый «опель-капитан» с откидным верхом. Судя по всему, предназначенный Савушкину. Что ж, а жизнь-то налаживается...

К Савушкину подошел уже знакомый шофёр.

– Herr Hauptmann, bringen Sie zurück?⁵⁸

Капитан отрицательно покачал головой.

– Danke. Ich bin auf meinem⁵⁹... – и кивнул на серый кабриолет.

Шофёр кивнул и молча отошел к своей машине.

Так, «опель-капитан». Хорошо, что Савушкину довелось управлять таким же авто под Корсунем. Там, правда, была стальная крыша, но откидная – даже лучше, чай, лето на дворе...

⁴⁸ Мы воевали в Белоруссии. Там партизаны – за каждой сосной, иногда сил нашей дивизии не хватало, чтобы разблокировать просёлочную дорогу в лесу...

⁴⁹ Да, я слышал об этом. Чудовищный кошмар. Эти русские совсем не знают о правилах ведения войны...

⁵⁰ Где я могу забрать мою машину?

⁵¹ Тёмно-серый «опель-капитан». С откидным верхом.

⁵² Полный бак, масло свежее. В системе отопления – незамерзающая жидкость. Хотя сейчас это не актуально...

⁵³ Через пять дней я вас жду.

⁵⁴ Не о чем говорить. Закончатся продукты – позвони, я выпишу вам три десятка рационов...

⁵⁵ Я забыл про шнапс!

⁵⁶ Да, польский самогон – продукт удивительный... Но вы с ним осторожнее!

⁵⁷ Что ж, не смею задерживать! Счастливого пути!

⁵⁸ Герр гауптман, возвращаемся назад?

⁵⁹ Спасибо. Я на своем...

Савушкин сел за руль, завёл мотор – указатель уровня топлива, действительно, показал полный бак. Что ж, спасибо герру обер-лейтенанту! Трогаемся?

Стоп! Карта! Чёрт возьми, он ведь понятия не имеет, куда ехать!

Капитан оглядел салон – хрен там! Даже намёка нет на карту. Ладно, попробуем решить этот вопрос по-другому...

Выйдя из машины, Савушкин окликнул давешнего водителя:

– Genneke, hast du eine Karte?

Грузный водитель подбежал к «герру гауптману» и, виновато глядя чуть в сторону, ответил:

– Ich habe eine Karte, bin aber dafür verantwortlich⁶⁰...

Тон водителя вселил в Савушкина определенную надежду. Достав из бумажника банкноту в пятьдесят рейхсмарок, он протянул её Геннеке и, улыбнувшись, сказал:

– Tauschen Sie die Karte für dieses Blatt Papier aus⁶¹.

Водитель кивнул, сбегал к своей машине и приволок карту, вставленную в плексигласовый чехол.

– Nehmen Sie es, Herr Hauptmann, ich kenne dieses Gebiet schon auswendig⁶²... – и ловким движением руки выхватил пятьдесят марок из рук Савушкина.

Капитан молча улыбнулся, помахал Геннеке и, сев в свой «опель», выехал со двора комендатуры. Теперь – строго на север, в Серакув, ребята, небось, изнервничались до предела, да и старика Зарембу не помешает успокоить...

* * *

Что ж, подведём итоги. В целом день прошёл недурно, чистый убыток – триста пятьдесят рейхсмарок, месячный оклад командира роты. Это пассив. Зато в активе – легальные документы, подтверждённые местной фельдкомендатурой, машина с полным баком бензина и – налаженные отношения с комендантом. Что тоже – очень и очень недурно...

Первый этап операции прошёл успешно, они закрепились на месте, у них есть транспорт, надёжное убежище, достоверная, подтверждённая местными военными властями легенда, продукты и связь с Большой землёй. Это в плюсе.

Но есть два небольших минуса. Это расположенная на бивуаке за Изабелином неизвестная танковая дивизия с непонятным предназначением – которую крайне важно разъяснить; и неведомые ему Bataliony Chłopskie – от которых неведомо, что им надо ждать...

Ладно, утро вечера мудренее. Завтра начнём работать – заодно и узнаем, что это за хлопцы и в какие такие батальоны они сбились, и самое главное – зачем...

⁶⁰ У меня есть карта, но я несу за неё ответственность...

⁶¹ Я меняю карту на этот листок бумаги

⁶² Возьмите её, герр Гауптман, я знаю эту местность наизусть...

Глава четвертая

В которой выясняется, что Луна – солнце не только неспящих, но и не сидящих на месте...

– Так, Женя, теперь – самое главное. Запиши и зашифруй. Южная окраина деревни Изабелин, квадрат восемнадцать – тридцать четыре, смешанный лес с преобладанием лиственных пород. Танковая дивизия на переформировании. Сто двадцать танков, преимущественно Т-4, триста пятьдесят автомобилей. Принадлежность выясняется. Далее. Признаков подготовки к отступлению не наблюдаем. Тыловые части и склады из Варшавы не выводятся. Идет переброска грузов и личного состава в Варшаву. Всё. Сколько времени уйдет на передачу?

Радист пожал плечами.

– Две минуты, от силы.

Савушкин кивнул.

– Хорошо. Пеленгаторов у них тут, скорее всего, нет, а если и есть – то вряд ли они за это время успеют взять пеленги, но бережёного Бог бережёт. Костенко!

Из соседней комнаты появился старшина.

– Возьмешь машину и радиста, выдвинетесь на северо-северо-запад, километров на десять – и отработаете сеанс. И сразу назад! Тут, как мне комендант говорил, и как мы с вами прошлой ночью бачили – по лесам всякого вооруженного народа изрядно таскается. Задача ясна?

Костенко кивнул.

– Всэ зрозуміло. Зробымо!

Савушкин обернулся к Строганову.

– Женя, что там сводка?

Радист скептически хмыкнул.

– Идут потрохи. Бои вокруг Вильнюса, в Карелии заняли Кондопогу и окрестности, Второй Прибалтийский взял Идрицу, Полоцк и Россоны, и там ещё кучу деревень... Ещё Тракай. За старой границей – Лиду, Зельву, Ивацевичи, Коссово... К Пинску подходят на юге.

– Ясно. Брестское и Гродненское направления ещё не появились?

– Не, пока нет.

– Завтра-послезавтра должны появиться. Ладно, давай, шифруй и собирайся!

Радист молча кивнул, и, достав из вещмешка шифроблокнот – принялся колдовать над колонками цифр.

Савушкин вышел во двор, нашел хозяина, копошащегося в сарае, и, оглядевшись вокруг, вполголоса произнёс:

– Пан Заремба, надо бы поговорить.

Хозяин кивнул, отложил в сторону хомут, который до этого подшивал, и вместе с капитаном поднялся в дом.

– Пан Заремба, нужна ваша помощь.

Хозяин молча кивнул, дескать, продолжай, я тебя слушаю.

Савушкин продолжил:

– Где, по-вашему, нам лучше всего устроить пункты наблюдения? Интересуют дороги в Варшаву – с севера и с запада.

Пан Заремба почесал затылок.

– Так сразу и не скажу... Шоссе или железные?

– И те и другие.

Хозяин дома задумался. Потом, хмыкнув и покачав головой, сказал Савушкину:

– Если с Лодзи – то Ожарув. Там и железная дорога, и авто. Ожарув аккурат меж ними. Без труда можно следить и за железной дорогой, и за шоссе. Но там немцы...

Савушкин едва заметно улыбнулся.

– А мы кто?

Пан Заремба поморщился.

– Я не об этом. Там немцы, которым надо там быть. Комендатура, склады, расчеты зенитной артиллерии, железнодорожники, водители, жандармерия... Вы что там будете делать? Вас ведь спросят...

Да, логично. Одно дело – приехать в комендатуру отметить командировку, и совсем другое – болтаться там дня три-четыре. Вопросы у тамошних должностных лиц оккупационной администрации возникнут сразу!

Тут Савушкин заметил, что старик хитро улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Пан Заремба, я смотрю, у вас есть, что сказать?

Хозяин кивнул.

– Есть. Хлопак ты видный, не старый. То, что немец – плохо, конечно, но ничего. Живёт в Ожаруве очень хорошая паненка, Ганнуса Самута, с Радзехува. Очень добрая паненка...

– Проститутка? – решил уточнить капитан.

– Не сказать, чтобы уж совсем... Нет, не проститутка. Просто очень добрая и у неё тяжкая судьба. Ты можешь пожить у неё в гостях – дня три, четыре. Но ты один.

Савушкин кивнул.

– Это понятно. Как мне её найти?

– На самом краю мяста. Доманевска, дом под бляхою. Это её муж крыл, аккурат за год до войны... Там всего три дома, далее – поля, не промахнешься.

– С какого края?

– С западного. С запада.

– А... муж?

– А муж пропал в сентябре тридцать девятого. Призвали в кавалерию, бригаду Великопольскую – он служил там действительную – а дальше всё. Ни писем, ни вестей... Бригада та сгинула вместе со всей армией «Познань», так толком и не повоевав, и где теперь муж Ганнуски, на земле, под землёй или на небесах – бог весть... А жить надо. Двое деток...

– Но ординарца я ведь могу с собой взять, правильно?

Пан Заремба пожал плечами.

– Можешь. Если он будет спать в авто.

Савушкин про себя улыбнулся. Эх, дружище, знал бы ты, где им иногда приходилось спать... Кожаные сиденья его «опеля» по сравнению с ними – королевская опочивальня! Теперь – деликатный вопрос, расчет за услуги...

– Что ей надо будет дать?

Старик хмыкнул.

– Да что хочешь! Сто злотых, мешок картошки, ящик консервов... Она всё возьмет. Тихая и мирная мать двоих детей... – помолчав, добавил: – Польские деньги у тебя есть?

– Есть.

– Ну вот и хорошо. Дашь пани Ганнусе триста злотых, я передам ей молодой картошки, лука, бимбера, морквы, забью пару кур – и ты будешь там жить три дня, как кум королю!

Так, одно направление мы возьмем под наблюдение. А с севера?

– Пан Заремба, а дороги из Данцига в Варшаву?

Хозяин дома глубоко задумался, и, помолчав пару минут, неуверенно произнёс:

– Хиба Жерань?

Савушкин тут же живо спросил:

– А где это?

– На север от Варшавы. На правом берегу. Я там работал в тридцать втором году, на искусном заводе... Не, не пойдёт. Река...

Да, не пойдёт. Варшавские мосты. На них по-любому будут контрольные посты, которые очень интересуются военнотружущими группы армий «Центр», шастающими туда-сюда через Вислу...

Старик почесал затылок.

– Давно не был в тех краях... Но есть одно место... Надо будет посмотреть.

– Что именно?

– На этой стороне Вислы. Беяны. Там лес по берегу Вислы, а в лесу – несколько холмов. Если хороший бинокль – то можно видеть станцию Варшава-Торуньска, и шоссе из Данцига. Но я там не был юж двадцать годов...

– Доехать сможем?

– Холера его знает... Раньше можно было – через Вульку Венглову. Но там то город-сад думали строить, то аэродром... Академию физичну построили, имени Пилсудского... Надо смотреть. Завтра я туда съезжу, лесом, до Маримонта, там у меня живе знакомый, погляжу.

– Договорились! Сегодня уже всё, а завтра с утра я отправлюсь к пани Самуте. Ну а вы, пан Заремба – к своему знакомому, в эти, как их... Беяны?

Старик кивнул.

– Беяны. Маримонт. Это на самом берегу Вислы. А на той стороне – товарная станция, депо, пакгаузы... За три дни управлюсь.

Савушкин молча кивнул. Идеальное место для наблюдения, вопрос только в том, годится ли оно для размещения наблюдателей...

С улицы донёлся звук мотора. Приехали! Савушкин вышел на крыльцо – во двор въезжал «опель-капитан» с сержантом Костенко за рулём. Судя по его довольной физиономии – сеанс связи прошёл штатно. Ну, слава Богу...

* * *

Вечером Савушкин собрал разведчиков в «офицерской» комнате – поскольку она была расположена в самой глубине дома, окна её выходили на противоположную от улицы сторону, до леса было рукой подать. Если бы кто-то захотел их подслушать – обнаружил бы себя влёт...

– Так, ребята, диспозиция следующая. Завтра я с Некрасовым – то бишь, с ефрейтором Йоганом Шульцем – убываем в Ожарув. И будем мы там находится трое, а если повезёт и нами никто не заинтересуется – то четверо суток. Пан Заремба отправится в варшавские предместья, поглядеть, есть ли там возможность отследить движение по железной дороге с севера. Ну и по шоссе из Данцига – но с этим сложнее. Котёночкин, пока меня с Некрасовым не будет – тише воды и ниже травы. Придёт войт – передадите ему бумагу от коменданта о нашем расквартировании. Если, не дай Бог, какие-то поляки ещё объявятся – гнать в шею. Если комендантский патруль – у вас для него все документы на руках. Всё, приказываю отдыхать... – И с этими словами Савушкин оставил свою группу. Что-то в поведении пана Зарембы его настораживало, чувствовалась какая-то недосказанность... В общем, надо бы ему поговорить со стариком.

Как будто прочитав мысли капитана – хозяин дома показался из дверей кухни и молча кивнул Савушкину, приглашая к себе. Что ж, пришла пора поговорить по душам, подумал про себя «гауптман Вейдлинг». Сейчас именно от этого деда зависит успех или провал их задания и их жизни, кстати, тоже...

Старик сел за стол и жестом пригласил Савушкина занять место напротив.

– Пан капитан, есть один очень деликатный вопрос. Хочу его с вами обсудить.

Савушкин кивнул.

– Согласен. Излагайте.

– То, что мой родной язык – русский – то есть заслуга моей матки, она родом з Рязанской губернии, мой ойтец там работал часовых дел мастером. Но я поляк. Вы должны это понимать. В марте восемнадцатого, когда наш полк закончился, как и вся российская императорская армия – у нас со Збышком оказались разные пути. Он летом семнадцатого года стал членом полкового комитета, вступил в большевики, и после Брест-Литовского мира уехал в Москву. Я – в Польшу. Там были немцы, но по оптации они пропускали поляков. А осенью восемнадцатого возникла Польша. В следующем году случилась война меж поляками и большевиками. Я не захотел в ней принимать участие и уехал во Францию, работать на шахтах. Тогда в Лотарингии французы меняли шахтёров-немцев на поляков. Многие поляки тогда поехали на запад... – Старик замолчал, налил себе и Савушкину чая, и продолжил, отхлебнув пару глотков: – Как я жил – это мелочи. Вернулся в Польшу с началом кризиса. Уголь стал не нужен, как и шахтёры... В тридцать первом году это было. Работал в Лодзи, в Варшаве. Но хотелось на родину, в пущу. Во Франции я накопил трохи франков, купил два гектары земли и этот дом. В тридцать шестом получил от Збышка письмо, был рад, что он жив. Но в тридцать восьмом письма прекратились... – И снова старик замолчал.

Савушкин про себя вздохнул. Так вот откуда у «товарища Збигнева» – железные зубы... Тридцать восьмой. Вторая волна. А в сороковом, судя по всему, выпустили – тогда многих ранее арестованных деятелей Коминтерна выпускали. Понятно...

Пан Заремба продолжил:

– В тридцать девятом, после сентябрьской катастрофы, сюда пришли немцы. Начались исчезновения людей, прежде всего – евреев. В Ожаруве их скоро совсем не стало... В Варшаве всех евреев загнали в гетто, а в прошлом году, после восстания – начали куда-то вывозить. Варшавяне шепчутся, что на смерть... Немцы объявили, что Польши больше нет, что теперь это – Генерал-губернаторство, столица – Краков, гражданства у поляков – нет, прав – нет, и будущего – тоже нет. Этого они не объявляли, так они решили. Закрыли все театры, библиотеки, музеи, читальни в сёлах. Закрыли газеты. Запретили печатать книги на польском. Любые. Библиотеку Сейма вывезли в Берлин и Бреслау. Даже алтарь Мариацкого костёла вывезли из Кракова... В Польше не можно более быть поляком... – Помолчал. Затем, едва заметно улыбнувшись, сказал: – В мае сорок первого от вас был человек. Мальчишка совсем. Страшно плохо говорил по-польску. Передал привет от Збышка и сказал ждать вас...

– Нас!? – Изумлённо переспросил Савушкин.

– Ну, не тебя, капитан, а русских. Для разведки. И вот три года я вас жду... А в прошлом году случилось ЭТО...

Капитан обескураженно спросил:

– Что ЭТО?

Старик тяжело вздохнул, хлебнул остывшего чая и коротко бросил:

– Смоленск. – Помолчав, продолжил: – Немцы в апреле сорок третьего объявили, что большевики в окрестностях Смоленска расстреляли пленных польских офицеров. Привезли на место расстрела врачей, специалистов по трупам из-за границы. Польскую миссию Красного Креста... Печатали во всех своих газетах, по радио... По фамилиям, званиям... Почти пятнадцать тысяч офицеров. Сказали, что НКВД расстреляло в мае сорокового года.

Савушкин сидел, оглушённый страшной новостью, не в состоянии что-то ответить. Пан Заремба продолжил:

– У нас многие поверили. Особенно те, кто знаком с роднёй тых офицеров. Они ведь получали письма из лагеря – до мая сорокового. А потом письма перестали приходить... Я – старый русский солдат, я всегда говорил своим – этому не можно верить. Офицеров убили немцы, инакш быть не может. Немцы! Но комиссия Красного Креста... Заграничные специалисты... Вдобавок – многие помнили войну с большевиками... – Старик вздохнул, допил чай, и добавил: – Так что вот такие дела, капитан...

Савушкин покачал головой.

– Я об этом ничего не слышал... хотя нет, было какое-то опровержение Совинформбюро, в это же время. Но я пропустил его мимо... О том, что осенью тридцать девятого интернировали поляков – знаю, у нас об этом писали. Но я думал, что они все в армии Андерса...

Пан Заремба отрицательно покачал головой.

– От них нема вестей с весны сорокового...

Капитан помолчал, подумал, а затем сказал:

– Нет. Не может быть! Зачем? – Внезапно оживившись, спросил: – Ты сказал – огласили фамилии и звания? Всех офицеров?

Пан Заремба кивнул.

– Так. Пофамильно.

Савушкин облегченно вздохнул.

– Это немцы. Точно не наши!

– Откуда ты знаешь? Ты ведь об этом узнал только что? – С едва уловимой надеждой спросил хозяин дома.

– Фамилии. И звания. Значит, у тех, кто их озвучил – были на руках списки или документы. Или то и другое.

– Так. Немцы объявили, и международная комиссия подтвердила – на трупах были документы, личные вещи, деньги.

Савушкин про себя грустно улыбнулся. Наверное, хорошо, что этот старый и мудрый поляк не знает подробностей нашей довоенной жизни...

– Пан Заремба, я вам тяжёлую и грубую правду скажу, но вы – человек поживший и немало видевший, вы поймёте. Так вот – согласно требованиям НКВД, лица, подлежащие расстрелу, перед... исполнением тщательно обыскивались, и у них изымались все документы, записи и любые предметы, годные к опознанию трупов. Если бы польских офицеров расстреляли наши – никаких документов и личных вещей на них бы никто не нашел. За отсутствием таковых... – Помолчав и дав пану Зарембе осознать эту информацию, Савушкин спросил: – Вы говорите – немцы и звания сообщили?

– Так. – Согласился пан Заремба.

– Этого тоже не может быть. До июля сорок первого военнопленные не имели права носить знаки различия. Это я точно знаю, по работе. И трупы, которые отрыли немцы – не могли иметь на своих погонах звёзд, или что там в Войске Польском за знаки... Это не наши! Я уж не говорю о деньгах и личных вещах – это вообще нонсенс. Немыслимый в условиях СССР... Нет. Это немцы.

Старик кивнул.

– Я знал. Просто мне нечего было сказать тем, кто поверил немцам.

– Вы и сейчас не говорите. Мы на немецкой территории... – Савушкин замолчал, а затем, вздохнув, продолжил: – Ладно, после войны всё разъяснится. Где, вы говорите, немцы разрыли эти могилы?

– Урочище Катынь.

Савушкин пожал плечами.

– Не слышал. Хотя под Смоленском мы стояли почти месяц... Хотя погодите... Я сейчас вспоминаю опровержение Совинформбюро, тоже где-то в апреле сорок третьего. Там говорилось о Козьих Горах. Так?

– Не помню, но может быть.

– Да, теперь вспомнил. Тогда мы, помнится, очень удивились этому выступлению – зачем опровергать заведомую клевету? Ведь Козьи Горы – это дачная местность в десяти километрах от Смоленска, там пионерский лагерь, дачи, санаторий НКВД... Кто ж расстреливает в таком месте? Расстреливают в глуши...

– Так. И ещё. Немецкое радио для поляков передало, что польские офицеры из миссии Красного Креста узнали среди трупов своих коллег – тоже офицеров.

– Через три года? – Савушкин изумлённо покачал головой. – И что, есть те, кто этому поверил?

Пан Заремба сокрушённо кивнул.

– Так. Но это не есть самое страшное. Самое страшное – что вину НКВД в этом убийстве признало наше правительство в Лондоне...

В кухне повисло тяжёлое молчание. Которое, прокашлявшись, нарушил Савушкин:

– А ваша здешняя подпольная армия, АК, подчиняется Лондону. И значит, помощи от неё нам ждать не приходится. Ни нашей группе, ни всей Красной Армии. Так, пан Заремба?

– Не совсем, но в целом – так. – Старик тяжело вздохнул.

– Ладно. Это нас пока не касается. Комендант в Ожаруве говорил о каких-то «батальонах хлопских», которые де сильны в этих местах. Это что за войско?

– Ruch ludowy... То есть Крестьянская партия, это её отряды. Формально они считаются частью АК, но только формально. Они более лояльны к русским... Это не есть партизанское движение, как в России, но иногда бывают бои – батальоны хлопские атакуют немцев, защищают польских рольников... крестьян, по-русски. В городах их нет, там АК, но они сильны на селе... Да, есть ещё Армия Людова, это коммунисты, лояльные Сталину, но их мало. Ваши им помогают, присылают оружие и людей, но... В общем, их мало. З немцами работает польская вспомогательная полиция, гранатовцы, у них синие мундиры, «синий» по-польски – «гранатёвы». Формально они охраняют порядок – но прежде всего занимались евреями. В основном это полицианты с довоенного времени. Немецкие военные их не касаются... Там есть люди из АК, много таких, кто просто переживает. В основном поддерживают лондонское правительство...

Савушкин про себя выругался. Чёрт ногу сломит в этой польской политике! Вроде ж есть общий враг – так объединитесь! Нет, каждая партия создаёт свои вооруженные отряды и готовится к... А к чему они готовятся, кстати?

– Пан Заремба, есть информация, что АК готовит вооруженное выступление против немцев. Что из Англии в мае прилетели офицеры, которые настаивают на восстании в Варшаве. Информация немецкая, веры ей нет – но всё-таки, дыма без огня не бывает... Вы что-то слышали об этом?

Пан Заремба только махнул рукой.

– Глупство, пан капитан, глупство, и ничего более. Эти разговоры идут, как вы правильно сказали, с мая, но, я думаю, это просто слухи. Позлить немцев...

Ну почему глупство, подумал про себя Савушкин. Довольно-таки логично... Немцы уходят, мы готовимся войти – и оп-ля! Лондонские поляки захватывают власть в Варшаве. И уже как законные власти – определяют правила поведения Красной армии в Польше. Логика есть...

– Ладно, Тадеуш, время позднее, давайте ложиться спать. Завтра у нас у всех – трудный день...

Старик кивнул.

– В Польше трудные дни – скоро как пять лет...

* * *

– Ну что, Некрасов? Докладывай, пока Ганнуса завтрак готовит...

В «доме под бляхою» донельзя уставший Савушкин, сидя на чурбаке во дворе, негромко опрашивал своего снайпера – тоже вымотавшегося до упора. Три ночи без сна, при том, что днём можно разве что изредка покемарить – всё ж тяжковато...

Тот тяжело вздохнул и пожал плечами.

– Одиннадцать составов товарняка в сторону Варшавы и два санитарных и пять грузовых – в сторону Лодзи.

– Платформы какие-нибудь – с грузом в брезенте или в этом роде?

– Ничего. Товарные вагоны на восток – гружённые, чем – неизвестно. Из Варшавы – порожняк. По прогибу рельсов определил и по звуку.

Савушкин почесал затылок.

– Ничего не понимаю. Третью ночь тут сидим – безрезультатно. Позавчера – семь эшелонов туда и четыре обратно, вчера – двенадцать туда и шесть назад... Бред какой-то. Если у них в планах отступать – они уже должны вывозить из Варшавы тыловое имущество. Сотни вагонов и платформ, десятки эшелонов. А ты говоришь – два санитарных да полдюжины порожняка... Не сходится. Подлежащее со сказуемым не стыкуется.

Некрасов помолчал, а затем скупно добавил:

– Зенитный дивизион стал на позиции за железной дорогой, метрах в трехстах от переезда. Всю ночь капониры рыли. Наши, русские. По голосам опознал... Власовцы или «хиви», чёрт их разберет, хриstopродавцев...

Савушкин выругался.

– Суки! – Помолчав, добавил: – Нехорошее чувство у меня, Витя. Думаю я, что не планируют немцы уходить с правого берега... – И продолжил: – Конечно, зенитки они могут ставить и для прикрытия отступления. Но вернее – для обеспечения развёртывания каких-то частей. Та дивизия у Изабелина меня шибко тревожит...

– А у вас что, товарищ капитан? На шоссе?

– Да тоже ерунда какая-то... Никаких колонн тыловых подразделений в сторону Лодзи. Ничего, что было бы похоже на подготовку отступления. Под утро в сторону Варшавы прошла колонна тяжёлых МАНов, в тридцать с лишним штук, с парой броневинов в охранении – и так, по мелочи. Не, Витя, не думают немцы отступать...

– Товарищ капитан, може, не стоит торопиться?

Савушкин досадливо поморщился.

– Это понятно, выводы делать рано, мы тут ещё чуток постережём фрицев, понаблюдаем – но я тебе скажу, что по одной капле воды можно определить солёность всего океана. Сегодня семнадцатое июля. Признаков подготовки немецкого отступления – нет. Я тебе больше скажу, никаких вообще признаков того, что немцы сломлены и вострят лыжи из Польши – нет... Ладно, пошли пожрём. Зря, что ли, старик Тадеуш нас снабдил провиантом до конца войны, а Ганнуса уже с рассвета чё-то кашеварит...

Отношения с Ганнусей Савушкин решил выстроить просто – они ей ничего не объясняют, не рассказывают и душещипательных бесед не ведут. Они немцы, как женщина она их не интересует, а куда временные жильцы уходят по ночам – не её дело. Взамен они щедро оплачивают её услуги (Савушкин в первый же день выдал женщине триста злотых, и на ломаном польском пообещал ещё, по отъезду) и снабжают продуктами её семью (старик Заремба загрузил в их «опель» мало что не половину своего погреба – два мешка картошки, мешок овощей, килограмм десять сала, трёх кур, пару фунтов масла и сотню яиц). Ганнуса, судя по всему, такой расклад весьма устроил, она готовила постояльцам шикарные польские завтраки, обеды и ужины (правда, из ими же привезённых продуктов), а её старший сын Чеслав, бойкий пацан лет десяти, каждый день мыл их «опель» – впрочем, более из интереса к этому чуду автопрома, нежели из необходимости. Савушкин в первый же день одарил обоих сыновей Ганнуса плитками эрзац-шоколада – но никаких вольностей в отношениях не допускал. Они хорошие немцы, но – немцы. Всё, аллес...

Завтра уже восемнадцатое. Ровно неделю они в Польше. И – никакого результата! Даже яичница с салом в глотку не лезет – хотя приготовлена отменно... Что происходит на фронте? Почему немцы не бегут панически в свой фатерлянд? Он помнил окружение под Корсунем

полгода назад, тогда немцы бешено рвались на запад, бросая по пути, как говорится, пушки и знамёна, оставляя тысячи раненных и трупы своих убитых генералов. А тут – тишина и благолепие, как будто и войны никакой нет... Чёрт возьми, что происходит?

Позавтракав и выйдя во двор (а заодно прогнав крутящегося под ногами донельзя услужливого Чеслава, надеявшегося на дополнительную шоколадку), Савушкин с Некрасовым, спрятавшись в беседке в кустах сирени, продолжили разговор.

– Так, Витя, сегодня – последняя ночь, и завтра утром едем к Зарембе.

– Есть, товарищ капитан. Сегодня, как обычно?

– Нет. Давай поменяемся, ты – на шоссе, я – на железку.

– Как скажете. Товарищ капитан, я всё же забурюсь в «опель» и посплю, уже нет сил никаких... Разрешите?

Савушкин кивнул.

– Хорошо. Ты прав. Я тоже попрошу Ганнусю где-нибудь мне постелить, тоже глаза слипаются. А тут ещё яешня её с салом, поневоле заснёшь. Даже холодный душ не спасает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.